關系圖

Твой — мой раб

Екатерина Калинина

Твой — мой раб

«Автор»
2026

Калинина Е.

Твой — мой раб / Е. Калинина — «Автор», 2026

Господин Лань — незначительный в своей легенде полубог надежды и процветания, но при этом лучше всех знаком с людьми и их культурой. Он близок к ним и полон интереса к их загадочным чертогам разума. Однако в божественном обществе не принято восхищаться или даже «обожествлять» своих рабов. Поэтому Ланю ещё не раз приходилось спорить и убеждать богов пересмотреть свои взгляды на людей, но вызвал он этим только осуждение и недопонимание.Он и сам не мог понять свои чувства до конца, пока в его империи не случилась революция, которая обратила его из полубога в человека...

© Калинина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Прерванный праздник. 5
Собрание. 11
Смерть бога надежды и процветания. 30
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Екатерина Калинина
Твой — мой раб

Прерванный праздник.

Когда людям нужна помощь — они обращаются к богам.

Когда помощь в существовании нужна богам — они обращаются к людям.

Случилось это в день коралловых фонарей. Я тогда вообще забыл про какоето собрание «божеств». Мне было не до этого. Я прекрасно проводил время со своим народом в образе типичного господина Ланя.

К празднику готовились все, и все были в приподнятом настроении. Это я всегда и любил. С раннего утра покутил в таверне, наполнив своё нечеловеческое тело приятным хмелем, а после уединился с молодой девой на втором этаже постоялого двора и проспал там до самого обеда.

И праздник прошёл бы просто удивительно, если бы ко мне не пожаловал Сацу — мой наставнический дух в образе лисоподобного существа с длинными ушами и коротким хвостом.

— Господин Лань… — обратился ко мне Сацу, возникнув у моего уха.

Я заслышал восклицание девы, перед тем как она поднялась полуголая с постели и в ужасе бросилась прочь из комнаты, увидев «привидение».

Мда… Я с недовольством фыркнул и лениво потянулся, перекатываясь с живота на спину: «Вот же гадкое ясновиденье простолюдинов!» — выругался я про себя.

— Чего тебе, Сацу? Я, кажется, просил тебя не являться ко мне, когда я с людьми! И так уже третье тело за эту неделю меняю. — бросил раздражённо я, затаив обиду на своего наставнического друга.

— Ну прости, — неискренне выдал лис, приблизившись к моему лицу. — А я тебя, кажется, просил не отключать совесть и не оставлять мне единственный способ связи, кроме как прямого явления.

Я закатил глаза, сменив ногу на ногу.

— Да? И позволить тебе портить свои свидания? Хоть чашку водки ты бы позволил мне выпить?

— Нет. На то я твой и наставник, чтобы следить за твоей божественной сдержанностью и послушанием. — хитро прищурился лис.

— Да, да… — недовольно повторил я, закрывая глаза.

— Ну-ну, не смей спать! Я сюда прибыл не для того, чтобы пугать твою даму.

— Да? А зачем же ещё ты сюда пожаловал?

— Ну, к примеру, напомнить тебе о ежегодном собрании «божеств», на котором твоё присутствие обязательно, и если по какой-то неважной причине тебя там не будет, на тебя обрушится весь гнев бога Тайи Шэншэня, который по совместительству является твоим отцом. Смекаешь? — Сацу выговорил всё это на одном дыхании.

«Да у него и дыханиято нет!» — усмехнулся про себя я, ещё не переварив сказанное.

«Собрание!» — это слово вернуло меня на небо.

— А что, собрание состоится прям сегодня? — тревожно подскочил я, ударившись лбом с лисом.

— Ойх… — Сацу недовольно поморщился, отстранившись от меня, лапой придерживая ударенное место. — Сегодня, конечно… А когда же ещё? Ты на божественный календарь хоть иногда смотришь? Ми Ми вносит в него изменения за несколько месяцев, чтобы не произошло никаких конфузов. А ты даже не удосужился узнать, когда будет одно единственное мероприятие, на котором тебе обязательно быть. Всего одно! Ты самый беспечный и ленивый бог!

— Полубог, — уточнил я, поднимаясь с постели и собираясь в путь.

— Ай, бог, полубог… Какая разница?! — паря в воздухе, вредничал лис, крутя шеей. — У тебя есть обязанность. Одна. И ту ты выполнить не можешь!

Сацу был мастером по выносу мозга из человеческой черепной коробки. Слышал, что даже был в розыске за вынос особо крупной суммы. — шутил иногда я. Но, к счастью, я был мастером по технике безопасности и всегда умел игнорировать его нравоучения.

Поэтому под очередной поток слов призрачного лиса я собирал по комнате свою разбросанную одежду, которую в порыве страсти успел с себя скинуть. Минуту-две, и я был уже одет.

Но идти куда-либо, а в особенности на собрание «божеств» с непохмелённой головой было бы преступлением.

Я подошёл к столу, на котором стояла бутылка с «национальной» водкой из бамбука, и в надежде выцедить хоть пару капель в чашку испытал горькое разочарование — сосуду суждено было оказаться пустым.

— Хм...

— Ты меня вообще слушаешь? — раздался наполненный гневом голос наставника за моим ухом.

— Не нуди, Сацу. Идти на собрание в таком состоянии — не дело. Это вам, духам и богам, не нужно после пьянки восстанавливать свою голову, а мне, как полубогу, это просто необходимо, чтобы исполнять свои обязанности в полной мере адекватно. — Плавно улизывая изпод носа наставника, направился к выходу я.

— Ох, ты безнадёжен, — смирившись, выдохнул лис, прячась в моём рукаве.

Я вышел из съёмной коморки и направился вниз. В харчевне было уже тихо. Никаких песен, никаких танцев, никаких мелодичных звучаний лир и пьяных голосов гостей, подпевающих бардам. Все разошлись и теперь вернутся только к вечеру, с наступлением праздника.

«И без меня», — уныло подумал я, спускаясь по лестнице.

Я положил на барную стойку ключ от комнаты, молча кивнув бармену, и вышел из таверны, направляясь на набережную.

— Пс… Куда ты идёшь? — послышался недовольный шёпот из рукава.

— Туда, куда ведёт меня ветер свободы и благодати, — литературно ответил я. — На набережную. Там сейчас ведётся подготовка к празднику, вот там и куплю себе вина.

— Ты только что вышел из таверны! Неужели не мог выпить на месте и отправиться, в конце концов, на собрание?

— Нет. Итак, ваше собрание испортило мне праздник. Дай хоть одним глазком посмотреть на подготовление. Должен же бог проследить за работой обывателей.

— Полубог, — тут же подколол меня Сацу.

Пускай на празднике я и не смогу присутствовать, но лишить себя удовольствия в созерцании я не могу.

Не доходя до набережной, я заскочил в кафе, купил сосуд вина и мигом отправился к своему любимому месту возле каменных колонн и статуй драконов. Там был небольшой пристроенный каменный причал с короткой лестницей. На ней я и устроился, ловя своим лицом южный тёплый ветер с Ариакского океана.

Вода была кристальной, а солнце заставляло её сиять ещё ярче, отражаясь на вершинках маленьких волн. На небе тем временем я заметил большие кучевые облака. «Как бы к вечеру не собрались тучи и не испортили день коралловых фонарей. Столько стараний будет зря», — беспокоясь, подумал я, вспоминая улыбчивых девушек на площади, которые украшали её навесными фонарями.

Сацу больше не прятался. Он вышел из моего рукава и уселся рядом, молча наблюдая мой «маленький акт самоубийства» — как сказал бы человек. Но умереть от болезни печени я, как бог, не могу. Оттого и пользуюсь своим преимуществом, заливая глаза вечным алкоголем. Всё-таки опьянение даёт мне небольшую передышку, беря на себя груз тяжёлых мыслей, от которых я лечусь уже не одно столетие.

— В этом году праздник должен был быть особенным, — грустно сказал я, сжимая горлышко бутылки. — Как-никак двести лет с начала проведения этого праздника. Юбилей.

— Перестань тосковать по пропущенной гулянке, — спокойно заметил лис, облизывая лапу. — У тебя каждый день как день коралловых фонарей. Это у людей праздник. Они-то почти всегда работают. Не то что некоторые.

— Мда… Сильные существа. У них на жизнь отведено всего столетие, и при этом они умудряются заполнить свой крохотный срок не радостями жизни, а работой, обязанностями, пустыми обещаниями, правилами, постами. — Я меланхолично вздохнул. — Связывают свою жизнь с нелюбимыми людьми, с нелюбимым образом жизни, с нелюбимой работой, уповая на бога и на конечное спасение за свой труд, а в итоге загнивают в забвении. Эти существа… Они не дают мне покою. Что-то в них не так, как мы думаем, и не так, как они думают о себе.

— Понесло лирика по философствованию… — прагматично отозвался Сацу.

Я косо посмотрел на него, но лису мои косые взгляды — как оленю до дельфина. Он их ни во что не ставил.

Я игнорировал его нравоучения, а он, в своё время, игнорировал мои порывы «философских» — как он их называет — бесед. Хотя он это делает по просьбе моего отца. Бога единства! — Я даже отчаянно посмеялся, но Сацу подумал, что это моя реакция на его прагматичность.

Да… Мой отец — великий, всеведущий, единый, милосердный, почитаемый — словом, подлинный владыка нашего Поднебесья. И жена его — богиня плодородия и материнства, и все шестеро детей его — боги: судьбы, войны и мужества, верности, трудолюбия и упорства, уважения и богатства, красоты и доброты — все они имеют своё место в этом мире, свои мысли в этом мире, своё положение.

И я… Внебрачный сын от смертной девы. Полубог надежды и процветания, который всё своё время проводит в обществе «грязных» рабов, уподобляясь их грехам.

Другие боги меня частенько принимают за сумасшедшего: провожу время с людьми, в человеческом теле, беседую тоже с людьми, а на божественные принципы плюю с высокой колокольни. И мысли мои, и идеи, и предложения — всё считают пьяным бредом. Я ведь раньше и не пил столько много, а с другой стороны, и с богами столько времени не проводил. И как-то даже не собирался падать так низко.

Жил себе в избушке, в лесу, беседовал с птицами, ухаживал за огородом, за престарелой матерью, ходил в город торговать жемчугом, коралловыми порошками, подводными сокровищами, а в остальные дни добывал эти вещицы.

И только подумать… Четыреста лет прошло. Мать, как обычная женщина, умерла, а меня, как собачонку, мои сводные братья приволокли к отцу. «Вот, папенька. Нашли мы того, кто зовётся полубогом надежды и процветания. В лесу скрывался».

Тогда-то я и познакомился со своим отцом. Он не был ни суровым, ни предвзятым. Самый обычный единый бог — каких, как выяснилось, существует великое множество. Именно тогда я и узнал себя как полубога надежды и процветания. Пазл в моей голове, пусть и не до конца, но всё-таки сложился. Так мне тогда показалось.

«Без надежды не может быть дальнейшего процветания, а дальнейшей надежды не может быть без малого процветания», — пояснил мне для чего-то отец и отправил на все четыре стороны, дав мне в наставники Сацу.

Тот сначала не знал, с кем имеет дело: вроде бог, а вроде человек. Он в тайне докладывал обо всём отцу: про мои мысли, про мои взгляды и мнения. И тот, в конце концов, видимо, запретил лису как-то реагировать на них, а тем более размышлять вместе со мной. А жаль, в те дни Сацу был единственным моим достойным собеседником, и мне нравилось слушать его замечания по поводу своих взглядов на те или иные вещи.

«Теперь я тут», — как-то странно сообщил мне мой внутренний голос.

Я взглянул на своё отражение в морской воде. Оно было нечётким из-за качества воды и солнечного света.

На меня смотрел размытый молодой парень с длинными тонкими волосами, собранными и перевязанными в традиционную светло-зелёную ленту в цвет одежды. Доули на голове, бутылка вина в руке, сдвинутые брови и жалкий взгляд — и всё это был не я, а всего лишь какое-то человеческое тело, которое я слепил сам для себя.

— Ладно, в путь. На жалкое собрание нечестивцев, — произнёс я, допивая вино.

— Мне кажется, или ты стал ещё злее после выпивки? — осторожно присмотрелся ко мне Сацу.

Я ничего не ответил. Молча встал, замахнулся рукой и, словно держа в руках не бутылку, а свой гнев, забросил её в море.

— Всё нормально. Теперь можем отправляться.

Лис осуждающе на меня посмотрел, пытаясь вызвать чувство стыда за выброшенный в море мусор. У него это получилось. Но что-либо исправлять я не решался.

Я расправил свой рукав, ожидая, что тот в него залезет. Лис не стал тянуть время и послушно занял своё место.

Человеческий облик слегка рассеялся, оставляя всю тяжесть тела на земле, мои ноги плавно взмыли в небо, и через несколько секунд от нас не осталось и следа.

Мы проносились над дневными городишками, словно призраки. И единственный, кто нас мог увидеть, — так это какой-нибудь ребёнок, наблюдающий за фигуристами облаками, пытаясь заприметить сквозь таинственную пелену волшебных существ. Мальчишки часто ожидали увидеть драконов, девчонки искали ангелов или единорогов — те ещё мерзкие существа, прислужники самовлюблённых богов-эгоистов из Среднеполосья.

Я сам очень любил пристать к какому-нибудь не очень взрослому ребёнку в виде «вымышленного друга». Ходил с ним, играл, рассказывал легенды и мифы, сказки и прочие небылицы, которые на самом деле являлись правдой.

Зачастую дети оказывались очень приятными собеседниками и слушателями. И за это я их очень ценил.

Много раз к некоторым я сильно привязывался, и поэтому каждый раз тосковал, когда видел, что ребёнок рос и терял свою первичную детскую мудрость.

Чем старше ребёнок, тем сложнее на него влиять как дух. Но, несмотря на это, я всегда доводил своих «подопечных» до конца, даже если в конце мне приходилось стоять возле их старческой могилы. Но я был рад, что так или иначе мы встретились. И мне грело душу то, что на протяжении всей его жизни я старался помогать и оберегать его от бед.

На глаза навернулись слёзы. Но быстрым взмахом пустого рукава, я стёр с лица мокрые вкрапления.

Теперь-то я больше не пристаю к детям. Только изредка наблюдаю из семейных стен, из сказочных книг, из быстрой речушки. Наблюдаю и молчу. Заводить, как прежде, знакомства я больше не мог. И видеть могилы своих друзей — тоже.

Я постарался отвлечься от беспокойных воспоминаний, взглянув, где мы пролетаем. Моё духовное тело снизило высоту, проходя сквозь облака, и моему взору открылся вид на императорский дворец: красные черепичные крыши в виде знакомых шапочек, уже подлетели и к знакомым воротам из красного дерева, которое добывается в северной части страны, вот и белокаменные стены садов, и, конечно же, основной дворец императора — большое высокое здание, чуть ли не в высоту целой горы, с сотнями комнат и роскошных приёмных внутри.

«Люди своей натурой — архитекторы», — думал всегда я, пролетая мимо подобных сооружений человечества. — «То строят великие памятники духов, то дворцы в рост гор, то мосты в миры иные, то свою философию и мироустройство. Всё это — своя наука… А нам, духам, только и остаётся, что наблюдать и созерцательно существовать в мире людей. И ведь говорят, что это боги творят руками человека. А так ли оно? Никто мне правду не скажет, а если и решится, не обманется ли он сам?»

Я прожил относительно маленький срок по сравнению с остальными богами, но достаточно долгий срок по сравнению с человеком. И я видел много памятников, которые построили люди. Я встречал их начало строительства, я видел их расцвет лет, и я же провожал их в мир забвения, когда они становились развалинами. И даже при столь печальных обстоятельствах я поражался умению человека видеть и строить из «ничего» целое «культурное всё». А «обветшание»… Люди не вечны, и их памятники тоже, но это не значит, что всё бессмысленно.

Кто людям сказал, что существует вечность? Для чего? Я бы это назвал отдельным видом пыток. Всё равно что перед закованным в цепи махать аппетитной куриной ножкой, зная, что он её никогда больше не получит.

Но люди… Они смотрят на эту куриную ножку и продолжают жить, а не умирают от удушья слюны. Они продолжают смотреть, ковырять цепь, рисовать палочкой на пыльном полу, строить из камушков башенки. Они умрут от голода, но они строили башенки, рисовали и наблюдали. Наблюдали с безумным голодом и жаждой, но продолжали наблюдать и даже думать об этом.

«Хах. Посади на такие цепи любого из божественного собрания, так он только от упоминания куриной ножки захлебнётся слюной, а дай им палку, так они мигом себе живот вскроют», — злорадно посмеялся я.

Нет. Люди — гениальные архитекторы. Пускай частенько пьяные, частенько пошлые, грязные своими грехами, но они — удивительные создания, чья история только начинается. И я не перестану наблюдать за ними, потому что они — моя куриная ножка. Извини, отец. Извини, Сацу. Но принять ваши взгляды и взгляды ваших друзей я не смогу. Может быть, пока.

Я набрал высоту. Теперь нужно было лететь прямо на собрание, без остановок и не оборачиваясь назад, иначе бы мы сбились с курса и полностью опоздали.

В этом году место проведения было назначено — Среднеполосье, а хозяином собрания был бог Анфорис. Тот ещё эгоист и традиционалист по отношению к людям и к их творениям. Хозяин тёплых краёв, хозяин тёплых морей, незнающий холода и отчаяния, посылающий людям засуху и неурожай в частых случаях.

Я не любил Среднеполосье именно из-за таких алчных и пошлых богов. Они были не верны ни своим слугам, ни своим жёнам, ни своим детям, ни своим помощникам, ни своим друзьям. Они были верны только одному — своему принципу и мнению, что раз они боги, то существа слабее их должны им подчиняться и слушаться.

Не скажу, что мой отец был сторонником таких мнений, но дружбу с Анфорисом водил. А я, переступив порог «божественного» собрания впервые, сразу не понравился Анфорису, да и он у меня по сей день вызывает отвращение.

Я, смирившись, вздохнул. Всё-таки не каждый год собрание проводится там, иногда нужно и потерпеть.

Мы пролетели над западным водопадом нашей страны и вышли на север. Начались горы, степи, непроходимые тёмные леса, в которых жили северные духи. Боги из этих мест рассказывали про них удивительные истории на собрании, когда главной темой являлась работа духов-наставников, духов-вредителей, духов-благословения и прочих.

Север был огромен, и путь над ним всегда был самым долгим, но самым любимым моментом. Лишний повод выйти за рамки своих представлений и посмотреть на людей других стран, других культур и народов. Но и эта дорога заканчивается. Северный климат сменяется вновь южным, и я выхожу на Среднеполосье.

Степи встречаются чаще, горы становятся выше, моря более закрыты от основного холодного океана.

Я останавливаюсь над городом Иерфенга — столицей огромного южного государства Гереллеи, где правит Анфорис, чтобы высадить из своего рукава Сацу. Духов-наставников, да и в принципе духов, на собрание брать запрещено.

Лис лениво шагнул из своего укрытия на землю, потянувшись на солнышке.

— Здесь мы и расстанемся, — сказал лис.

Я взглянул на небо, где прямо над нами медленно проплывал дворец Анфориса, и уже успел почувствовать весь духовный шум, гам и суету, которая царила там.

— Что ж, видимо, так. Мне потом возвращаться за тобой?

— Не стоит, — лениво махнул лапой Сацу. — У тебя появятся дела поважнее…

Его голос не вызывал у меня никакого доверия. Пускай он и был невозмутим, а голос даже казался спокойным и тихим, мне стало не по себе от этих «дел».

— Хорошо, — горько вздохнул я и направился на небо.

Собрание.

Миновали облака, вокруг перед глазами встал чистый горизонт, окрашенный в ядрёно-оранжевый цвет. Внизу — только белый туман в виде облаков, сверху — только тёмно-синее небо со звёздами и другими светилами. На Земле день клонился к вечеру. Я попрощался с нашей планетой и праздником коралловых фонарей, отдаваясь полностью бесконечному космосу и вступая во владения Анфориса.

Его дворец не имел входа, так как Анфорис посчитал, что ни одна величественная арка, ни один размах ворот, колонн и подобного гения архитектуры не заслуживают быть входом в его дворец. Оттого и начало дворца начинается там, где заканчивается человеческий разум.

Как жалко, что я не могу описать всю карту, чтобы вы, мой читатель, однажды добрались до этого подлого существа и скинули его с трона. Хотя, может быть, вы вполне будете согласны с Анфорисом и станете его очередным рабом. В таком случае я буду жалеть, что не могу вам набросать путь к ногам вашего «святого покровителя».

Но на этом я прервусь. Нельзя позволять себе отдаваться гневу именно сейчас, а гнев во мне уже кипел.

Я прошёл в тронный зал. Он был огромен, прямо как небесный горизонт на верхушке горы Экореста. В нём бурлила божественная суета, такая, которую я запомнил с последних ста собраний. Везде собрались свои группы для обсуждений: восточные, южные, западные, северные боги перепутались между собой, загудели в своих дискуссионных беседах.

Я осторожно прокрался в толпу в надежде стать незаметным. Надеялся, что вот-вот стану газообразным состоянием и смогу свободно рассеяться в этом пространстве. Но нет… Тяжёлое духовное тело, насыщенное общим волнением, держало меня, словно цепи.

Но было в этих собраниях одно кое-что светлое и тёплое. Прекрасная Мари, ещё её называют «святой», и это единственный раз, когда я полностью согласен с этим титулом.

Она была нежной, скромной, часто тихой, но безмерно доброй и интересной. Единственный бог, который умеет слушать и принимать чужие, а порой и чудаческие взгляды на мир. Она и меня приняла в первый раз, когда все спешили повесить на меня ярлык сумасшедшего. А она не повесила, даже наоборот, заинтересовалась. С тех пор и я стал неровно дышать к ней.

Белая вуаль, скрывающая её божественную наготу, её босые ножки, её шикарные светлые волосы, словно позолоченный колос в пшеничном поле, её прелестные губы, её нежные, волнующиеся глаза — всё отзывалось во мне и заставляло продрогнуть, словно я стою голым под самым лютым снегопадом.

Я отвёл в сторону взгляд, вспоминая, во что одет сейчас и как выгляжу.

«Бедняк без гроша за душой и то приличнее меня выглядит», — со стыдом пронеслась мысль.

Но я прекрасно понимал, что дело далеко не в том, во что я одет, как выгляжу или какой репутацией обладаю. Боги из абсолютно разных легенд не могут быть связаны между собой брачными узами. Это люди могут экспериментировать над своими взаимосвязями, и в очередной раз я убеждаюсь, что люди свободнее, чем боги.

Тут кто-то столкнулся со мной плечом, сбив с ног. Я зазевался и от неожиданности рухнул на пол.

— Ну-ну… — раздался противный, узнаваемый голос западного бога Деодеса. — Погодите, погодите… Дайтека подумать. Незнакомое примитивное лицо, вместо одежды какой-то тряпичный халатик. Если мне не изменяет наблюдательность, то это наш любимый человечник-Лань…

— Удивительно, как эта «наблюдательность» терпелива к такому несносному партнёру, — язвительно ответил я, попытавшись встать.

Но удержать равновесие мне снова захотела помешать летящая пощёчина от руки Деодеса. Моя рука перехватила ладошку соперника и сильно сжала его запястье.

— Не наглей, Лань, — продолжая сопротивляться, блеснул глазами Деодес. — А то смотри, и кинжал достать могу.

— Очень сомневаюсь, что такое короткое лезвие, как у тебя, сможет когда-либо нагнать меня.

— Ах ты, недоносок! — вскипел Деодес, уже протягивая вторую руку к чехлу на своём поясе.

В конфликт вмешались извне, видя, что дело шло к поединку.

— Остыньте, господин Деодес, — послышался ещё один знакомый голос со спины. — Не забывайте правила собрания.

Деодес отступил, вырывая свою руку из моей хватки.

— А вы, господин Цзянь Лун, держите своих щенков на привязи. Чтобы не гавкали на кого попало.

Деодес высокомерно одёрнул свою мантию, поспешив отойти подальше.

Я победоносно заулыбался, повернувшись к своему спасителю:

— Братик Цзянь, а я говорил тебе, что ты лучше всех знаешь, в какой момент нужно прийти?

Но вместо учтивой благодарности за комплимент в меня полетели братские кулаки.

— Ах ты паршивец! Дух-наставник только лапой вон, а ты при первой же возможности имя отца спешишь порочить своими выходками?

Я ловко стал уворачиваться, заметив краем глаза, как заулыбалась Мари, глядя на наши танцы.

Шаг, прыжок, кувырок, небольшая пробежка по залу — и вот я уже в толпе девушек за прекрасной Мари.

— Господин Цзянь, не бейте, пожалуйста, Ланя, он ничего не успел сделать плохого, — смеясь, вступилась Мари.

— Эх ты, чучело! Спрятался за женской спиной, не стыдно? — обращаясь ко мне, переводил дух Цзянь.

— Не за женской, а за дружеской! — поспешил ответить я, улыбнувшись в знак благодарности Мари. — Один твой удар — и моя человеческая глина развалится, как цветочный горшок! Вы знаете, как это сложно — каждый раз лепить для себя новое человеческое тело? А это так… совсем хрупкое оказалось! Не дамся без боя!

— Хорошо… Ну так в тех местах, где оно хрупкое оказалось, я тебе и подклею. А ну, иди сюда!

Мы стали кружить вокруг богини, а та стала задорно смеяться, сквозь смех пытаясь остановить моего брата.

Рядом с толпой девушек, где мы удачно развлекали публику, прошлась статная и высокомерная богиня Элрея вместе со старушкой — богиней семейного уюта и очага, Квархеей.

Элрея взглянула в самую глубь толпы, увидев в центре юную Мари, окружённую нами, и тихо фыркнула себе под нос:

— Пф, никаких манер у этого бесстыжего Ланя. Он только переступил порог собрания, а уже успел собрать вокруг себя толпу, от которой исходит столько бессмысленного шума. Как это нелепо.

Старушка побренчала своими амулетами на шее, покачав головой:

— Ох, не к добру их безмерное счастье, — сказала она, оглядывая Ланя. — Чувствую, парнишке ой как откликнется его беспутство и нескромность. Судьба всегда чувствует беззаботную энергию, а потом — хвать! И косточек не соберёшь.

Бабуля говорила загадками, от которых Элрея закатывала глаза, желая вывести свою собеседницу на более прямую тему.

— Мда уж… Тот ещё подарок этот Лань. И зачем только Тайи Шэншэнь вернул этого полукровку в свою божественную семью? Как с ним мучается господин Цзянь! На это же смотреть больно, — мечтательно вздохнула Элрея, уставившись на кого-то из толпы.

Старушка заметила этот мимолётный вздох, направленный на «бедного» Цзяня. Её глаза пробежались от мальчишек до мечтательной Элреи и обратно.

— Мне кажется, им обоим весело, а не одному Ланю, — ехидно улыбнулась и подбоченилась Квархея.

— Пф! Вот ещё! — противоречиво отвернулась Элрея, видимо, оскорбившись таким заявлением бабули. — Господин Цзянь — порядочный молодой бог и первый сын Тайи Шэншэня. Он не бездельничает и не противоречит общепринятому мнению, в отличие от некоторых полубогов.

Старушка, сомневаясь, ещё раз оглядела весёлую троицу, где каждый уже давился от смеха.

— Ну-ну… — незначительно усмехнулась она.

К толпе приблизился бог справедливости и вечности — Альдвин, остановившись возле старушки.

— Ммм… Наша ребятня как всегда что-то не поделила? — спокойно произнёс Альдвин, глядя на троих звёзд в толпе. — И что же на этот раз?

— Да вечные пустяки, Альдвин, ты же знаешь, — пожала плечами Квархея.

— И вовсе не пустяки, — сложила руки на груди Элрея. — Лань чуть не затеял драку с Деодесом, а его старший брат опять краснеет за него.

— Красота юношеского бунтаризма.

— Вот вы смеётесь, Альдвин, а этот бунтарь имеет глаз на вашу Мари. Вы собираетесь оставлять дочку в такой компании?

— Да. Вы безусловно правы, нужно ограничить общение Мари с Цзянем, а то только и научит мою дочь, что краснеть от любого пустяка.

Альдвин оставил Элрею в неловком молчании, учтиво поклонившись и направившись в толпу.

— А у вас тут, как всегда, шумно, — обратился он к ребятам, когда пробрался в центр.

— Да что вы, господин Альдвин, — уже собираясь отнекиваться, скорчил серьёзную гримасу Цзянь, давая подзатыльник Ланю. — Мы ведём себя вполне прилично. Просто кое-кого нужно опять вгонять в рамки этикета, — тот погрозил кулаком брату, который поспешил скрыться за нежной улыбкой Мари и сесть с ней рядом.

— Рамки, рамки, границы, границы, — передразнивая, склонился Лань. — У этого «этикета» и территории своей нет, чтобы другим границы расчерчивать. А вот кто из нас разрушитель, это ещё пояснить нужно! Ты мне палец отломал!

— Могу ещё один отломать, если так просишь, — уже двинулся в сторону Ланя Цзянь.

Но Альдвин остановил его жестом, подойдя к полубогу и нагнувшись к его ногам. Лань немного удивился, не понимая, что хочет сделать Альдвин, но убегать не стал.

Тот внимательно осмотрел поломку: был сломан большой палец на ноге, и край ступни дал трещину. Альдвин вернул палец в глиняное состояние, немного его смочив и начав придавать ему новую форму. Собрав палец, он приклеил его к старому месту, размазав край глины по всей ступне, тем самым замазывая неровности и трещину. Он дал глине застыть и обжечься, поднимая глаза на всё ещё удивлённого Ланя.

— Ну как-то так, — поднимаясь с колен, заключительно заявил Альдвин. — Палец немного меньше, чем должен быть, но зато трещина теперь полностью заделана. Ничего, вернёшься домой — подлатаешь, как тебе надо. У тебя, наверное, так болели ступни?

— Если честно, то да… Но я внимательно осматривал их, и никаких дефектов не было, а сегодня от одного удара — раз, и развалилось, — неуверенно признался Лань.— Глина плохого качества. Решил с нового места взять, поэкспериментировать?

— Да. А вы тоже когда-то занимались живой лепкой?

— Было время, — мечтательно ответил Альдвин, видя, как у парня загорелся в глазах огонёк взаимопонимания. — Любил, как ты, спускаться в этот людской коллектив, чтобы сбежать на время от глаз отца и бесконечной работы бога. Вот приходилось как-то вживаться в костюм. Правда, у меня образы всегда были однообразны, а у тебя что ни собрание — то новый человек. С ходу так и не узнаешь тебя.

— Это потому, что ему делать больше нечего, как сидеть возле реки и бездельничать, — сложив руки на груди, прагматично отозвался Цзянь.

— Посвящать своё время на создание чего-то прекрасного — это замечательно, не правда ли? — обратился Альдвин к Ланю. — Посмотришь на людей — они только для этого и рождаются, чтобы творить.

— Да, только, боюсь, с вами на этот счёт согласятся не все, — поднял Цзянь взгляд на трон, где сидел Анфорис в окружении своих друзей.

Альдвин слегка нахмурился, тяжело выдохнув:

— Мда… Здесь вы правы. Ну, тогда до встречи. После обращения я планирую ещё с вами выпить вина, вы же не против?

— Нет… Конечно, нет, господин Альдвин, — радостно ответил Лань.

Бог справедливости и вечности подошёл к своей дочери Мари, и они оба, не спеша, направились поближе к трону, откуда будет вестись приветственная речь Анфориса, оставив весёлую компанию позади.

— Папа, у тебя теперь все руки в глине, — заметила Мари, доставая платок, чтобы очистить их от смеси.

— Ничего, зато Ланю ноги подлечили, — смеясь, ответил Альдвин, протягивая ладони.

— Ох, ну и фантазёры вы, — улыбнулась Мари. — А что, ты действительно сбегал от отца в мир людей и лепил для себя тела?

— А почему нет? Мне теперь кажется, что всем бы богам пошёл на пользу такой опыт. Может… — он вздохнул, на секунду отведя взгляд на Анфориса. — Может, тогда бы и разногласий по поводу людей у нас было бы меньше.

— Возможно. Вы с Ланем хорошо сходитесь во мнении и даже, как выяснилось, по увлечениям.

— А что, он тоже считает, что задача богов — не карать, а содействовать? — заинтересованно спросил Альдвин.

— Частично. У него какое-то своё видение нашего мира, поэтому его все за нигилиста и считают. А насчёт людей… Он путается. Он объяснял мне на примерах, но сформулировать истинную мысль то ли не может, то ли боится. Но то, что он ненавидит Анфориса, как ты, — это ясно.

— Я не ненавижу Анфориса, Мари, — замотал головой Альдвин, посмотрев в глаза дочери. — Мы спорим, иногда ссоримся, но это из-за разных точек зрения. Я хотел было взять Ланя в наше сообщество, замечая, что его мысль действительно направлена в наше русло. Но если оно так, как ты говоришь…

И тут Мари почувствовала, что наболтала слишком много, но отпираться было уже поздно. Да и сам факт, что Лань не любит Анфориса, было не отменить. А жаль. На секунду Мари даже обрадовалась, что сможет видеть Ланя чуть чаще, чем один раз в год, — и тут же всё оборвалось. Появилось даже чувство вины, ведь Ланю действительно не хватало такого наставника, как её отец, и группы единомышленников, чтобы тот наконец-то смог почувствовать себя

в настоящем, равном коллективе. Мари знала, что Ланю не хватает общения, и поэтому очень сильно расстроилась, что всё испортила.

— Может, оно и не так… — неловко заговорила Мари. — Лань говорил об Анфорисе скорее устало, чем с ненавистью. Пап, может, я ошибаюсь? Тебе стоит поговорить с Ланем лично, а не через меня. Он… Он мог бы принести хорошие плоды познания. И для роли твоего ученика он подходит. Может, под твоим крылом он стал бы другим? Он бы научился нужному? И тогда, может, его перестанут считать за сумасшедшего?

Отец взглянул в чистые глаза своей дочери, на её руки, держащие грязный платок, и понял всё слишком хорошо:

— Судьба этого полубога тебе не безразлична, так ведь? — спросил прямо Альдвин.

— Конечно, не безразлична! — ответила Мари, не замечая подвоха. — Он мой друг и очень хороший полубог. И я не понимаю, почему он не может найти своё место в нашем обществе, а ты… Ты вроде не считаешь его сумасшедшим.

Альдвин улыбнулся и аккуратно поправил волосы дочери.

— Конечно, не считаю, — ответил отец, с хитринкой прищурившись. — А насчёт сообщества, думаю, ты права, и мне действительно нужно поговорить с ним об этом лично и отдельно от всего.

Он нежно приобнял дочку за плечо, и они неспешно двинулись к центру зала.

Я оставался сидеть в согнутом положении, нависая над своим пальцем: щупал его, царапал ногтём.

«А у Альдвина руки хорошо подвешены», — сделал вывод разум, когда увидел почти идеальную поверхность стопы. — «Без оборудования, руками сделать такую гладкую стопу… А главное, что трещина хорошо замазана. Да… Не прошло и недели, как это тело стало разваливаться. Альдвин прав. Глина из экспериментального места — это всегда рисковое дело. Всё. Теперь сырьё буду брать только из сада Линлунь».

Не разгибая спины, я уставился в ту сторону, куда ушёл бог справедливости и вечности вместе со своей дочкой. Но, кроме бесконечных божественных нарядов, ног, туфель и прочей бахромы, знакомую сердцу шаль я больше не мог выловить взглядом.

«Альдвин» — это имя, как и имя Анфориса, не вызывало во мне никаких добрых чувств, но другое дело — бог, скрывающийся за этим именем.

Бог справедливости и вечности — добрый и безгранично любящий отец Мари, терпеливый и интересный учитель, делающий своих учеников счастливыми. Он мне симпатизировал прежде всего как вечный соперник Анфориса, который знал и видел гораздо больше своего противника. Как отец он для многих был идеалом, и, самое главное, он был не только отцом для Мари, но и для многих бедолаг, которым пришлось столкнуться с непроходимостью судьбы. Официально такие дети называли его своим учителем.

Альдвин-учитель. Об этой личности мне почти нечего сказать. Мари говорила, что он хороший наставник, который помогает подопечному найти себя, но точно не его. Она делилась его взглядами и мнениями, и я понимал, что у нас с этим богом гораздо больше общего, чем я мог себе представить. Но моя репутация и возраст явно помешают мне с ним поболтать на равных. К тому же Альдвин, сколько бы мудр он не был, всё равно из тех взрослых богов, которые видят в нас детей.

«Им шестьсот, нам четыреста. Но облик у нас почти однолетний, и всё равно мы для них дети».

Я не особо расстраивался или обижался на них из-за этого. Даже, скорее, наоборот, мне хотелось больше бедокурить и невольно двигаться, поддаваясь общему взгляду насчёт нас.

— Пойдём, Лань, — слегка тронул за плечо меня брат.

Я пробудился от своей мысленной дрёмы и последовал за ним.

Народ стал тесниться к центру, держа в руках уже по бокалу с вином. Цзянь старался пробиться поближе, но я всё тянул его назад, отчего тот сдался, и мы остались стоять довольно далеко от центра.

— Чего ты хочешь такого удивительного получить от этой речи, что ты так прёшься туда? По мне, так каждый год один и тот же текст, только разные боги, — фыркнул я.

— Отстань. И раз утянул меня в конец, то поимей совесть и заткнись, чтобы я мог послушать дискуссию, — огрызнулся Цзянь.

Я раскинул руки, издав уставшее кряхтение:

— Ох, неужели в тысячный раз будут обсуждать взаимодействие людей и божеств? Раз тут есть ты, то мне необязательно слушать всю эту бурду. Я пошёл.

Но только я успел повернуться, намечая себе путь к свободному столику с вином, так сразу почувствовал колющую боль в ухе: мой брат ухватился за него, разворачивая меня назад.

— Куда ты пошёл, нечестивец? Твоя задача — стоять здесь и слушать.

— Аяяй! — негромко взмолился я, чувствуя, как от сильной хватки брата рассыпался край уха. — Отпусти. Стою.

Цзянь отпустил меня, обратив своё лицо в центр зала, где начиналось собрание, а я остался послушно стоять, гладя красное и пульсирующие ухо.

Из глубин зала раздались традиционные музыкальные трубы Гереллеи, и над толпой пролетели виенды — младенце-подобные существа с двумя копытами сзади и маленькими крылышками на спине, иногда напоминающие купидонов. Они, ритмично играя на трубах, пролетели над залом, осыпая присутствующих каплями тропической росы.

Все восторженно поприветствовали выступление виендов, поднимая бокалы с вином, чтобы капли росы смешались с напитком.

— О да, спасибо нашим маленьким прислужникам за такое открытие шеститысячного собрания, — выйдя на площадку, торжественно похлопал Анфорис.

Он медленно подошёл к маленькому столику, взял в руки бокал с вином и начал свою речь:

— Шесть тысяч лет назад наши предки официально задокументировали начало ежегодного межконтинентального народного собрания божеств. И кто знает, может, мы празднуем не шестое тысячелетие, а целую десятку!

«Юбилей дня коралловых фонарей и то дороже, чем шестое тысячелетие этого сборища», — раздражённо отвернулся я, сложив руки на груди.

— И тем не менее такая дата удивительна для нашего союза! — продолжил Анфорис. — Все эти годы мы трудились на благо наших рабов и на своё достойное существование. Мы сплочённо вели дискуссии и проводили целые проекты по разведению войн и мирных соглашений. Мы ровняли горы, прокладывали реки, сажали леса. Люди все эти тысячелетия, не покладая рук, трудились на наше благосостояние, а мы за это помогали им выживать и делать решающие шаги в их развитии! И мне хочется поднять бокал прежде всего за себя, и чтобы каждый из присутствующих сейчас выпил за себя и свои труды. Ура нам! Ура шеститысячному собранию божеств! Ура нашим предкам! Ура нашим легендам!

Толпа радостно прокричала «ура», послышался звон бокалов, и почти все поспешили опустошить сосуды.

Я покосился на весёлого и уже порядком пьяного Анфориса, который одним глотком оставил бокал пустым.

Его большое, тучное тело казалось издалека обычным, но память помнила размеры этого великана вблизи. Его широкое, огромное лицо с острыми скулами и большим носом напоминало мне гоблина, и только длинные белоснежные волосы хоть как-то исправляли впечатление от облика, напоминавшего гориллу.

Я с отвращением отвернулся, глядя на спокойное и анализирующее лицо сводного брата. Он без интереса, но с чувством долга глядел на весь этот шум и гам, приготовившись слушать уже начинающуюся беседу.

— Цзянь, а зачем ты прибыл на собрание? По тебе не видно, чтобы дискуссия насчёт богов и рабов тебя интересовала. Да и я прекрасно помню, что ты бог-практик, поэтому это пустословие тебя должно раздражать.

Брат метнул в мою сторону короткий, но какой-то встревоженный взгляд.

— У меня была причина, по которой я прибыл сюда, — ответил Цзянь, продолжая смотреть в центр толпы.

— И что это за причина, если не секрет? — хитро прищурился я.

— Юбилей собрания, знаменательная дата. Я слышал, что Анфорис готовит какое-то удивительное выступление в своём звёздном саду. Ради такого можно и потерпеть бессмысленные для себя беседы. Вопрос рабов и богов — это действительно не моя компетенция.

— Да ну? Я-то думал, что бог войны и мужества неоднократно должен быть задействован в этом вопросе.

— Должен. Но если и происходят какие-то серьёзные изменения, то с собрания ко мне прилетают гонцы с принятыми законами и решениями, а так мне нет дела до всех этих философствований.

— Значит, ты утверждаешь, что прибыл сюда только ради какого-то шоу? Не шути, я знаю, что это не так.

Цзянь вдохнул и повернулся ко мне.

— Я прибыл сюда, чтобы отдохнуть от рутины, чтобы выпить и посмотреть красивое, может, и пустое представление. Тебя что-то смущает?

— Да, потому что сюда нельзя приходить, чтобы отвлечься от рутины, потому что здесь сама чаща плодоношения этой рутины! — твёрдо ответил я, чувствуя, что Цзянь не просто так придумывает эти отговорки.

— Ладно… — сдавшись, отступил Цзянь. — Отец плохо себя чувствует, поэтому попросил вместо него проследить за тобой.

Я сначала даже не заметил никакого подвоха. Брат говорил об этом так обыденно. Но минуту спустя я вскипел, наполняясь недопониманием:

— Что значит «вместо него проследить за мной»? — грозно ступил я в его сторону, сжав кулаки. — Отец… следил за мной? Но… зачем? И он послал тебя… чтобы проследить за мной?

— Конечно. С тебя и глаз спускать нельзя: что ни день, то новая выходка. Разумеется, отец приглядывал, чтобы ты не натворил чего крупного.

— Я? Я?! Да я веду обывательскую жизнь человека! Без капли плохого умысла заливаю глаза алкоголем и безвредно слоняюсь от места к месту. Танцую по вечерам в тавернах и легкомысленно развлекаюсь с девушками! Что я могу натворить такого? Другое дело — вы. Вы-то без конца вмешиваетесь в жизнь человека. Вы постоянно убиваете, насылаете наказания — и всё это даже без осознания! Вы, не думая, распоряжаетесь чужими судьбами и принимаете решения за целый коллектив людей. И отец тратит время, чтобы следить за мной?

— За тобой поэтому и надо следить, что ты не действуешь по каким-либо законам, в отличие от нас, которые действуют относительно людских движений и общепринятых решений после собрания. Отец, в принципе, сомневается в тебе как в существе, поэтому и следит.

Мой гнев и недоумение сменились разочарованием и… обидой? Обидой на отца, что он так думает, или на Цзяня, что он так видит мнение отца насчёт меня? Я огорчился и замолк, внешне выражая ещё злость. Хотя внутри больно скреблись кошки.

Да, я не самый умный или сильный сын из нашей семьи. Я даже не законнорождённый и не принадлежу так сильно к божественной династии. Но… пускай я внешне и выражал без-

различие к этой семье, внутри я был рад, что с потерей матери имел отца и целую приёмную семью. Возможно… я даже их любил? И отца уважал, хоть и плевал на его взгляды.

Внутри я надеялся, что он хотя бы также уважает меня. Просто как сына. Пускай и бесполезного. Он же зачем-то искал полубога надежды и процветания?

А теперь оказывается, что ко мне нет доверия даже как к существу. Наверное… за столом… за семейным столом меня обсуждают как собаку. Оттуда и мнение Цзяня такое. Но чем я заслужил такое недоверие?

Я сжимал и разжимал кулаки, стараясь выпустить пар. Возможно, Цзянь шутит. Он любит надо мной издеваться, поэтому это могло быть сарказмом.

— Цзянь… Отец вправду следит за мной из-за недоверия? Зачем тогда ко мне приставлен Сацу?

Брат снова отвлёкся от речи Анфориса, переводя на меня замученный взгляд. На этот раз он не увидел в моих глазах ни привычного шутовства, ни скрытой иронии. На этот раз была тревога и, может быть, страх? Я не уверен, что представляю себя объективно и правильно со стороны. Но Цзянь увидел, что я жажду истины, а не пустых отговорок.

Тот вздохнул, опустив руки:

— Я не знаю, Лань. Может быть, отец следил за всеми нами. Мы же его дети, а следовательно, и наследники. Взрослые имеют склонность всё контролировать, а наши взрослые ещё и боги, поэтому, я думаю, нам не стоит об этом задумываться. А пришёл я сюда, потому что не мог отказать отцу. Ему… ему правда нездоровится.

Брат нахмурился. Его грудная клетка беспрерывно то поднималась, то опускалась. Я не знаю, что делать в таких ситуациях и что говорить. Отец болен? Странно — ведь боги не склонны к привычным человеческим болезням. Боги вообще болеть не умеют. Они даже не умирают! Может, отец просто не в настроении? Может, под болезнью Цзянь подразумевает грусть? Надеюсь, что всё будет хорошо.

Я решил отвлечься от этой неприятной ноты и, уподобляясь своему брату, стал вслушиваться в дискуссию зала.

Анфорис уже сказал приветственную речь — даже у него она была недолгой, — поблагодарил хозяйку прошлого собрания, Квархею, и теперь толпа полностью перешла в стадию беседы.

Обычно на платформу поднимались представители каких-либо основных идей. Темы всегда были разные, и группы, представляющие эти идеи, — тоже. Но на теме рабов и богов было только два коллектива: коллектив Анфориса, который состоял из большинства богов, и маленький коллектив Альдвина, в который входили всего лишь несколько участников.

Была нейтральная толпа, которая участвовала в одних темах и только наблюдала при других. Также были обычные слушатели и участники, которые стояли рядом с платформой и при желании могли вмешиваться в процесс, выдвигая какие-то вопросы или проблемы. Я наблюдал всё это с привычной скукой и раздражением, слушая, как консервативный Анфорис уверенно сидел на своём величественном троне перед скромным Альдвином.

— Ты утверждаешь относительные вещи, — махнул рукой Анфорис, прервав Альдвина. — Давайте снова углубимся в историю человечества. С того, что человек по своей натуре — не самое сильное животное, и того, что особым разумом он как таковым не отличался. Мы же, боги, изначально обладали всеми стихиями нашего окружающего мира, всеми животными и растениями. Возможно, наша культура также была скудна относительно настоящего, но мы же не можем отрицать факт нашего изначального всемогущества, верно? — обратился Анфорис к толпе, заручаясь общей поддержкой.

Все поспешили его поддержать лёгкими кивками и одобрительным бормотанием.

— Не можем, — спокойно согласился Альдвин. — Но мы и не можем это подтвердить. Никаких отголосков такого древнего прошлого мы не нашли, а следовательно, и утверждать,

что боги были тех же возможностей, что и сейчас, не можем. Я предлагаю не рассматривать эту древность и не брать её за основу в нашем современном вопросе.

— Не-е-ет… Позволь: если уж браться за наш вопрос, то браться за него с самых корней. А это — истоки! Человек с самого начала существовал под влиянием божеств. Пускай мы и знаем о наших предках достаточно из поздних веков до современной эры человечества, мы можем догадаться, что боги существовали и раньше, так как вопрос божеств у людей являлся чем-то обыденным, а значит, начало своё история богов берёт гораздо раньше. К тому же настоящее и будущее напрямую зависят от прошлого, а тем более такая вещь, как человеческая культура. Она проста по своему составу, так как меняется относительно биологического движения, а значит, мы можем это прогнозировать. Поэтому и современный вопрос мы будем решать под влиянием прошлого, думая о будущем.

— Я и не собирался отрицать существование богов с тех древних времён. Но я очень сомневаюсь, что наши предки носили именно те характеристики, которыми мы их наделяем. На ранних стадиях человек вряд ли думал о легендах или о богах как о подобных себе. Скорее, это были отдалённые образы, которые всплывали в человеческом подсознании при каких-либо внешних раздражителях. И древнейший образ бога скорее был горящей палкой, нежели облысевшей обезьяной. Хотя и нельзя отрицать, что «божественный» образ мог складываться из обнажённого тела самки в момент спаривания.

В зале послышались удивлённые вздохи богов и немного оскорблённых или смутившихся богинь.

— Мда… Альдвин, будь поаккуратнее с выражениями, — покосился на толпу Анфорис, возвращаясь к диалогу. — Всё-таки это бред — назначать древнейшим богам схожесть образов с человеческой самкой… Или, как ты сказал, с горящей палкой, — слабо рассмеялся Анфорис.

— Но мы же хотим выяснить всю сущность наших взаимоотношений с людьми. Верно? А как мы можем игнорировать истоки? — хитро ухмыльнулся Альдвин.

— Это лживые и неправильные истоки! Боги — есть сила! Боги — есть истина!

— Именно. Поэтому и примитивный образ бога складывался из понятных вещей для голой обезьяны: огонь велик в готовке и страшен как оружие, женщина страшна отказом и прекрасна в уединении, пещера хороша укрытием и страшна загадкой нового места, зверь великолепен в еде и страшен как враг. Именно из таких примитивных образов и вышли с вами мы все. Мы были. Мы были очень велики, и я с вами согласен, но мы для человека являлись учителями, а не бессмысленными карателями. И я хочу, чтобы мы отбросили подальше эти нововведённые методы и направили все силы на то, чтобы снова стать терпеливыми учителями для человечества. Давать им обжигаться, но при этом давать делать выводы. Вот что я хочу донести.

— Хорошо. Мы услышали тебя. А теперь я хочу полностью опровергнуть твою мысль, — Анфорис слегка нагнулся вперёд, сложив руки в замок, настраиваясь на большой спор. — Человек — есть раб, а не ученик. У него даже сейчас, пусть он спрятан и далеко, но существует механизм послушания более сильного и могущественного существа. Этот потаённый инстинкт был всегда! И если раньше человеческая община делилась на мужчин, женщин, детей, а после — на разные культурные народы, то боги всегда стояли выше человека и влияли на него тоже с помощью высших сил. Конечно, с развитием человеческой цивилизации некоторые доминирующие особи подсмотрели культуру у братьев своих меньших — так появились феодалы, короли и правители, которые занимают официальный пост в общественных взаимоотношениях людей. Но боги по-прежнему остались тайными и истинными управленцами всей человеческой братии. А теперь? — Анфорис насмешливо поднял брови, уставившись в глаза противника. Но, увидев несгибаемость и твёрдую решимость в глазах Альдвина, лишь усмехнулся, откинувшись назад. — Ты можешь стоять на своём, Альдвин, но человеку без бога не выжить. Даже если чуть дал слабину в своей вере — сразу поставил под угрозу свой дух. Человеку надо

чему-то слепо верить, чему-то безоговорочно доверять и жить, перенося боль, в надежде на счастливый конец. Этого никак не отменить. А мы, в свою очередь, должны существовать и…

— И безобразно насмехаться над своими рабами, посылая им засухи, стихийные бедствия и болезни. Так? — перебил Альдвин.

— Именно так. Потому что только через боль и страдания приходит истинная вера.

— Это не истинная вера! — повысив голос, огрызнулся Альдвин. — Это насильственная вера! Такая вера порождает только ненависть и отчаяние — и зачастую не столько к богам, сколько к своим ближним.

— Это естественный отбор. Через трудности закаляется организм, через трудности познаются люди, через трудности познаётся вера, потому что наступают такие случаи, когда надеяться больше не на кого. Мы — боги. И мы должны властвовать над человеком.

— Но не должны заставлять страдать. Это нецелесообразно. Мы должны помогать и учить.

— Этим ты только ставишь под угрозу свой статус бога. Мы имеем право быть злыми и быть добрыми. Только тогда, когда люди — наши рабы, мы можем быть богами, а так мы становимся просто небесными обывателями, такими как виенды.

В зале послышался смех, от чего Альдвин слегка смутился. Анфорис, видя смущение противника, только подзадорил толпу своим заразительным смехом. И почти все сразу поддались на эту глупую уловку.

Я сорвался с места, продвигаясь сквозь толпу к платформе. Цзянь хотел было меня остановить, схватив за рукав, но не успел: я уже вовсю шёл к центру.

— И всё-таки… — разжав стеснённые губы, продолжил Альдвин, — и всё-таки человек не раб богу.

В зале притихли, и смех Анфориса сменился игривым тоном:

— Что? Будешь продолжать убеждать нас ослабить давление на людей? Они и так в последнее время отбились от рук, а ты хочешь совсем выпустить это стадо в мир безнаказанности и беззакония?

— Я не это сказал. Я хочу, чтобы мы научились анализировать человека с постоянным взглядом на будущее. Прошлое важно, но только как воспоминание. Надо смотреть на настоящее и думать о будущем. Люди отбились от рук не потому, что они стали ленивы или непослушны. Они продолжают развиваться. А мы всё никак не можем отпустить их. И продолжаем стягивать уздечку потуже, хоть и знаем, что лошадь сильнее.

— Человек сильнее бога, ты хочешь сказать?

— Нет, — Альдвин упорно помотал головой, начиная уставать. — Человек развивается. Он движется и стремится ввысь. Но он по-прежнему схвачен твёрдыми и злыми руками судьбы, заставляя сдавать свой свободный разум, отдавать свои фантастические идеи, продолжать быть смертным человеком. С каждой трудностью он больше верит, но верит не по своей воле, а по воле судьбы, которую вы же и устраиваете. Он перестаёт быть чем-то удивительным и становится действительно вашим рабом. И пока кто-то, покорившись вам, склонил голову, кто-то начинает ненавидеть нас и полностью отрицать.

— Потому что мало получил плетей, — с угрозой сказал Анфорис. — Мы поэтому и злы, потому что человек, вместо того чтобы подчиниться и быть счастливым под нашей правильной властью, выбирает ненависть и бессмысленное отрицание.

— Хватит, — тихо произнёс Альдвин, протирая глаза. — Хватит! Вы все прекрасно понимаете, к чему я веду! Человеческое развитие может в скором времени остановиться, если мы не научим человека быть самостоятельным. Ему пора оставить это «недорабство» — его цель кроется в другом!

— В чём? — твёрдо спросил Анфорис, поднявшись с трона. — В чём заключается цель человека? Ты можешь ответить? Нет? Я так и думал. Никто не может ответить на этот вопрос,

даже сам человек. Но что мы видим? Мы видим нас — богов, которым дана власть над человеческой судьбой. Для чего? Для того чтобы вести их. На что способны люди? Они способны на то, чтобы служить нам. Они способны строить, грешить, обдумывать, учиться и умирать. Всё. И только нам дана власть контролировать этот процесс.

— Но мы же должны заботиться о человеке. Даже если… даже если он действительно наш раб — в чём я глубоко сомневаюсь. И сейчас… Я говорю с вами как тот, кто лично примеряет на себе человеческую шкуру. Человек сейчас находится на перепутье: он либо сам порвёт уздечку, либо мы поддадимся и поможем ему пойти дальше — самостоятельно. Потому что только так эта цивилизация сможет найти своё продолжение в будущем.

Анфорис равномерно вздохнул, усевшись снова на трон.

— О какой самостоятельности ты говоришь? — облокотился на руку Анфорис, продолжая поддерживать с Альдвином сопернический и немного хитроватый взгляд. — Что человек собирается делать? Для чего его отпускать на волю? Ради каких-то благ для мира? Очень сомневаюсь, что они смогут сделать что-то хорошее и созерцательное без нашего участия. Ради них самих? А нужно ли это им? Посмотри на них, Альдвин. Посмотри хорошо и внимательно — не как один из них (пускай и в человеческом теле; ты никогда не был понастоящему человеком), а как потусторонний наблюдатель. И ты увидишь, что человек очень слаб. Они даже столетие не живут. Они проживают крохотный срок, сравнимый с кошками. Они смотрят на своих домашних питомцев и думают, как те мало живут, не понимая, что сами являются недолгоживущими. И за этот срок они успевают… «ничего». От самого бедного до самого богатого — они умирают в надежде обрести покой, даже не понимая значения этого слова. Они умирают одинаково: героями или уродами, любившими или любимыми, разочарованными или довольными. Некоторые и пяти лет не проживают, кто-то и вовсе не смог родиться. И, может быть, с точки зрения человека, они успевают сделать многое. Всё-таки столько поколений прожило на свете. Но в конечном итоге оказывается, что дороги-то нет вовсе, по которой они планировали идти. Заданная цель человечества — её нет. А у нас она есть: вершить вечно судьбу человека. А люди? Как я уже не раз говорил, им надо во что-то слепо верить. Просто верить и доверять. Потому что вечное — мы, призрачное вечное — их.

Альдвин долго смотрел в глаза Анфорису, после чего обречённо вздохнул, повернувшись на несколько секунд к своему ученику. Тот ответил одобрительным и смиренным кивком.

— Ты прав, Анфорис. Человеку нужно верить, но… Я буду продолжать настаивать на отмене рабского статуса человека и распространении человеческой самостоятельности.

— Да ладно вам! — выкрикнул из толпы я, вскакивая на площадку. — Рабский статус у человека? Глупее я ничего за своё существование не слышал!

— Ну началось… — фыркнул в сторону ученик Альдвина, сложив руки на груди.

Я коротко бросил в его сторону простодушный взгляд, заставив того отвернуться, и вернулся к своим зрителям.

— Человек-раб. Какое безобразие! А главное — так глупо! — пожал плечами я, зная, что этим вызываю у публики неподдельное раздражение.

— Ну наземно-воздушному обывателю виднее! — выкрикнул кто-то из толпы.

Я не обратил внимания на это замечание. Вместо этого я ловко развернулся и двинулся в сторону Анфориса, зажав его могучее тело в углу трона:

— Значит, вы уверяете, что человек слаб? — Мой смех раздался так резко, что Анфорис ещё сильнее вдавился головой в угол. — Человек слаб! Как смешно это слышать от тех, кто ни разу не чувствовал боли. И тем не менее… человек… в ваших глазах слаб.

Я повис над ним, проговаривая каждое своё слово чётко и с паузами, а мои глаза прямой наводкой дробили его голубоглазую гавань.

Анфорис слегка поморщился — видимо, этому была причина: моё дурное зловоние изо рта. Признаться, я был даже рад, что в этот момент оказался грязнее самого последнего жука-навозника.

Я нагнулся ещё ближе к лицу Анфориса, чтобы доставить максимум дискомфорта:

— Вы говорите, что человек мало живёт? Даже столетие не проживает! И что он успевает сделать за такой крохотный срок? Ничего! Как это глупо… Глупо! Глупо! Безмерно глупо! И самое смешное — кто это говорит? Сборище существ, которые обсуждают вопросы, чьи ответы люди нашли уже по нескольку раз! То, что человек успевает познать за пятьдесят лет, мы пытаемся познать тысячами. И после такого колоссального отрыва от нас в сфере образования человек по-прежнему наш раб. Как ещё человеческая цивилизация не сбросила нас с наших богатых тронов, построенных из их костей? Просто поражаюсь их милосердию.

Анфорис оттолкнул меня в сторону, не выдержав гнилого запаха моей полости.

— Довольно этих глупостей. Как можно уносить с собой столько бессмысленных бредней?

— Мой-то мешок поменьше будет, чем ваш, господин верховный бог и владыка оазиса.

— Твоё озорство ни к чему не приведёт, Лань! — стукнул кулаком Анфорис. — Ты абсолютно ничего не знаешь и не смыслишь в вопросе о людях. Так не встревай, где не надо.

— Хах, это я-то не знаю? — Моё лицо ещё сильнее искривилось в улыбке. — Это я-то и не знаю! Что же получается? Я стою перед вами в человеческом обличии, будучи когда-то человеком, проводившим всё своё время с людьми… И при таком раскладе о людях ничего не знаю я? Прав был господин Альдвин! Это вы ничего не знаете о своих рабах! Какие рабы? Откуда вы вообще взяли, что люди — наши рабы? Древность?! — Я демонстративно ухватился за живот, обдав всех своим смехом. — Вот чушь! Бог сравним со зверем: хорош в еде, плох как враг! Какая нелепица! Любой зверь будет побеждён человеком, а если нет, то признать своё поражение человек уже не сможет, так как будет мёртв.

Анфорис отвернулся от меня, обращаясь к своей излюбленной аудитории, которая всегда была на его стороне:

— Господа, мы рассуждаем образно. Давайте оставим этот вопрос на заключительное голосование и перейдём к более важным и практичным вопросам — например, к мировой человеческой экономике, которая требует гораздо больше наших усилий, чем какое-то разглагольствование по поводу статуса человека. С этим и так всё понятно.

Анфорис щёлкнул пальцами, и на платформу выбежал низкорослый чернокожий мальчик, неся стопку каких-то бумаг.

— Статус человека? — Я усмехнулся. — И какой он? Рабский? Я поражаюсь тому, что мы ещё не дошли до практик Альдвина, так как считаю и эти методы уже устаревшими. Плетётесь, как ланцетники. Впрочем, вы недалеко ушли от братьев своих меньших. Человек не раб и не ученик бога. Это я вам заявляю с обсидиановой твёрдостью!

— Чтобы языком молоть, лучше бы сделал хоть что-то, Ланьцетник, — передразнил меня из первых рядов Деодес.

— А вы-то что все делаете?! — Выступил вперёд я.

— Да вообще много чего, — ответила рядом стоявшая с Деодесом Элрея. — У каждого из нас есть своё предназначение и обязанности, а у тебя нет. Ты только и делаешь, что размахиваешь возмущённо руками и называешь нас глупцами. Но за пределами собрания каждый бог занят своим делом, а ты только и бегаешь по кабакам в поисках лёгкого существования. И кто ещё из присутствующих дурак?

Элрею тут же поспешил поддержать весь зал.

Я смущённо отошёл от края платформы.

— Каждый бог занят своим делом… Ну да, конечно… Только вот я не бог! Я полубог. Жалкий и маленький своим рождением. Рождением получеловека. И поэтому сейчас, здесь,

на этом собрании, я хочу сказать слово от лица тех, кто строит грандиозные проекты в своей жизни. Я хочу сказать от лица тех, кто создал для каждого из нас свою легенду. Я хочу сказать от лица тех, кто, несмотря на свой короткий срок существования, умеет бороться с самим собой! Умеет делать выводы, умеет быть милосердным, умеет быть несгибаемым воином под натиском тяжёлых ран. И всё это — человек! И как наполовину человек я заявляю: люди не были и не будут рабами бога. Сколько бы поколений ни прошло, вы не будете иметь истинную власть над людьми. Насильственная вера вам не поможет, но и добровольная, и искренняя не прогнёт под себя человека. Он может упасть к вам в ноги, молить о пощаде, безумно каяться. Но он никогда не будет полностью вам подчинён! И я советую послушать господина Альдвина и пересмотреть свои методы…

Я отвернулся от зала, краем глаза уловив сияющий взгляд Альдвина. И я надеялся, что хоть что-то содрогнётся в этих пустых образах.

— Господа… господа… — послышался за спиной запыхавшийся голос Цзяня, быстро поднимающегося на платформу. — Всё, что сказал Лань, — бред.

— Ехе. Мы это и без тебя знаем. — насмешливо улыбнулся Деодес.

— Конечно… Но тем не менее… Я, как второй представитель бога Тайи Шэншэня, заявляю, что все эти и последующие слова Ланя будут произнесены не от лица господина Шэншэня. Разрешите отклониться. — И при этих словах Цзянь крепко вцепился в мою шею, пытаясь увести меня с платформы.

— Аяяй! Нет! Не уйду! Пусти! У нас свободное общество! Цзянь! — С этими выкриками брат уводил меня вглубь толпы под очередной смех богов.

— Что ж… — проговорил Анфорис, глядя то на толпу, где скрывались мы с братом, то на мальчика, который то и дело протягивал бумаги. — Предлагаю проголосовать сейчас, чтобы ни у кого из зала больше не возникло вопросов по этому поводу, и скорей перейти к экономике. Кто за то, чтобы рассмотреть методы обращения с человеческой цивилизацией на новом уровне?

В зале затянулась тишина, нарушаемая только моими далёкими криками.

Анфорис подсчитал голоса, глянув на Альдвина с поднятой рукой:

— Один, — вывел на листе он. — Кто за то, чтобы оставить всё как было? — огласил второй вариант Анфорис.

Тут в зале послышалось шуршание, и сотни навострившихся вверх рук закончили голосование с большим перевесом.

— Ну вот и решили, — выдохнул с облегчением Анфорис.

Собрание продолжало идти прежним ходом, словно моих выкриков и не существовало вовсе.

— Лань... — хрипло произнёс Цзянь, прижав меня к стене. — Ты, верно, сошёл с ума так нас позорить?

Я хотел плавно отойти в сторону, но нога сводного брата впилась в мой бок с неимоверной скоростью, заставив меня содрогнуться и сползти вниз по стенке.

— И после такого ты ещё спрашиваешь, почему отец следит за тобой? — продолжил Цзянь, схватив меня за волосы. — Клянусь, это твоё последнее собрание божеств. Мы с тобой... Точнее, ты играл роль официального представителя нашего отца. Мы не имеем права говорить всё, что нам взбредёт в голову. А ты... Ты должен был быть гонцом господина Шэншэня. Что он сказал, то и передать. А ты...

В этот момент Цзянь замахнулся, планируя ударить меня ещё раз, но что-то в его взгляде мелькнуло, и он отпустил меня, решив вернуться к толпе.

«Последнее собрание? Ну и прекрасно», — усмехнулся я, закинув голову назад.

После обсуждений мы, как и обещали, составили компанию Альдвину за бокальчиком вина. Он выглядел печальным, но моё суровое выражение лица ему было не переплюнуть.

— Сегодня ты был особенно горяч, да, Лань? — обратился ко мне Альдвин, перенаправив свой взгляд с напитка на меня.

— Да уж... — буркнул я, ещё сильнее отвернувшись от брата.

— Как думаете, после таких заявлений нас смогут простить? — взволнованно спросил Цзянь.

— Ну... Если быть честным, — начал задумчиво Альдвин, — то про ланцетников было лишним, но Ланю это вернулось, поэтому я думаю, что этот казус быстро всеми забудется.

— Как бы не так! — воскликнул я, злорадно усмехаясь. — Боги — самые злопамятные существа. Они будут всё своё существование помнить каждый мой неровный слоган в их сторону.

— Лань прав, — негромко согласилась Мари. — Может, боги и не самые злопамятные, но то, что выходки Ланя все запоминают надолго, — это факт. Боюсь, вам придётся на какое-то время залечь на дно тишины, чтобы это не переросло в какой-то конфликт. — уже обращаясь к Цзяню, закончила она.

— Тишины? Вы думаете, что этот чёрт умеет вести себя тихо? — мотнул головой в мою сторону Цзянь.

— Ещё как умею! — обиженно отозвался я. — Просто надобности никогда не было.

На этом моменте мои возмущения прервали. К нашей компании подошёл Анфорис, нацепив на своё лицо самую безобразную улыбку, которую я только видел.

— Господа, я вижу, вы неплохо развлекаетесь? А вы не будете против, если я вырву из вашей компании прекрасную Мари? Буквально на несколько минут. — Анфорис шире растянул улыбку, стреляя глазками на богиню.

Та ответила ему вежливой взаимностью, мило улыбнувшись.

— Я думаю, что можно. А что случилось?

— Ох, не сочтите за дерзость, но у меня к вам появилось очень важное дело, которое требует вашего участия и никак иначе... — схватив под руку Мари, бог спешно отдалился от нашей компании, уводя девушку в задние коридоры своего дворца.

Я посмотрел на Альдвина, который наблюдал эту картину с нахмуренным выражением лица.

«Он даже сказать ничего не успел», — мелькнуло у меня в мыслях.

Тем временем Анфорис с Мари уже успели скрыться в дальнем проходе, куда гости не имели привычку заходить. Всё пиршество проводилось здесь, в зале, и, кажется, Альдвин посчитал это подозрительным, как, впрочем, и я.

— Как думаете, что это может быть за дело, которое Анфорис не может сделать без участия Мари? — осторожно спросил я у богов.

Альдвин прищурился, глянув на моё спокойное, но выдающее возбуждение лицо. Он мигом допил вино, оставив бокал на столе, и быстрым шагом направился в те же коридоры, куда ушли Анфорис и Мари.

«Вот и закончилась беседа...» — подумал я, сделав пару глотков. — «Странно, что Альдвин так всполошился. А с другой стороны, это Анфорис. Тут не беспокоиться не получится. Даже когда эта горилла в десяти километрах от вас, на душу сразу наводится паника и тревога. Всё-таки у него отвратительный нос».

Я продолжал смотреть сквозь толпу в ту сторону, где находились коридоры, в которых происходят какие-то наинтереснейшие дела, о которых я не могу знать. Возьмёт ли любопытство верх надо мной?

За спиной послышался хриплый, похожий на удушье, кашель Цзяня. Я резко обернулся, ловя его на ходу.

— Кхах! Чёрт... — его ноги подкосились, и он еле как оперся на мою, поданную вовремя руку.

— Что с тобой, Цзянь? — я нагнулся к нему, чтобы увидеть, в каком состоянии он находится. — Что с тобой? Ты задыхаешься?

Его лицо в одно мгновение перекрасилось в красный, а сам он всё пытался бороться с кашлем.

— Цзянь... Подними руку, если нужно позвать на помощь... Цзянь... — перепугавшись, лепетал я, надеясь получить знак от брата.

Я не знал, как себя вести. Будь он человеком, я бы подумал, что он подавился, что он задыхается, но тут не было тела.

Благо Цзянь справился с кашлем самостоятельно. Он неуверенно выпрямился и, отдав мне бокал в руки, сказал что-то невнятное, похожее на: «Я щас вернусь», и тут же пустился к выходу.

Я остался стоять на месте. Коленки слабо дрожали.

«Я действительно так сильно испугался за Цзяня? Ну конечно, это ведь странно, что на бога напал приступ удушья».

Я дрожащими руками допил своё вино, оставив бокалы на краю стола. Стоять на месте было невыносимо, поэтому я решил сдаться любопытству и пойти проверить, что происходило в коридорах.

Пока я шёл, то незаметно как столкнулся с бегущей Мари. Я от внезапности схватил её за плечи, чтобы та не упала, и заметил странную вещь: край её вуали на груди был разорван, а сама она тяжело дышала и, кажется, была напугана.

Я поднял на неё глаза.

— Лань... — её голос слегка дрожал. — Лань, не ходи туда, пожалуйста... — шёпотом закончила она, схватившись за мою одежду, понимая, куда я держу путь.

В груди у меня что-то ёкнуло. Я вырвался из её рук и молча поспешил в проход, понимая, что не пойти я больше не мог. Меня несло туда как льва на зебру, и я сам ещё до конца не понимал, что сделаю со своей жертвой.

В коридорах было темно. Свет небесных светил не попадал в область образных стен дворца. Я старался красться тихо и чтобы наверняка не быть замеченным: задержал дыхание до тех пор, пока не вернулся в зал.

Боги — всечувствующие существа. Они определяют состояние человека по дыханию и другим жизненным процессам. Богов же они чувствуют благодаря особым изменениям в пространстве, которые вполне можно было назвать «волнами». Но был у меня один приоритет: я был полубогом. Я мог находиться в человеческом организме, но при этом приостанавливать полностью жизненные процессы, не переходя от этого в божественное состояние. Следовательно, ни по каким признакам выявить моё наличие боги не могли. И я всецело воспользовался своей способностью, подойдя наконец-то к полуоткрытой двери, из которой доносились голоса богов и шёл слабый свет от искусственной декоративной звезды, которая в божественном быту заменяла нам лампочки. Я заглянул в щёлку, стараясь спрятать своё тело за стеной.

В комнате были Анфорис и Альдвин. Они молча смотрели друг на друга, но только, кажется, Анфорис находился в проигрышном положении. Он был забит чуть ли не в самый угол шкафов, глядя на Альдвина с неимоверно глупым выражением лица. Я бы даже назвал его тупым.

Альдвин же, казалось, ещё никогда не был так разъярён. Ох, это театральное спокойствие: губы сжаты, дыхание равномерное, взгляд слегка прищурен, чтобы казаться более безразличным, но кулаки... Эти братья часто выдают таких личностей, как Альдвин. Костяшки побелели, вены набухли, кулак даже слегка подрагивал от напряжения. И сразу было понятно, что никакого спокойствия в голове у Альдвина не было.

— Анфорис... Ты хотел изнасиловать мою дочь? Правильно я всё понял? — сквозь зубы спросил Альдвин, сжимая и разжимая кулаки.— Послушай... — начал Анфорис, выдвинув

руку перед собой, словно пытаясь защититься. — Послушай, Альдвин... Я не хотел сделать ничего плохого...

— Ничего плохого? — повторил Альдвин, сделав шаг вперёд. — То есть принудить мою дочь чуть ли не у меня на глазах — это по-твоему ничего плохого? Нарушение заповеди, что боги из разных легенд не могут иметь что-то общее в брачном плане, — это по-твоему ничего плохого? Хотя, зная тебя, я догадываюсь, что Мари должна была сыграть всего лишь бабочкой-однодневкой. Так?! — Альдвин рванулся в сторону Анфориса, перепрыгнув через стол, уже готовя размах для удара.

Но подлый трус Анфорис убежал в другой угол, защищаясь предметами, которые попадались ему под руку: и полетели в дребезги фарфоровые вазы, макеты кораблей и другие диковинки комнаты.

— Постой... — вырвалось у него, когда он снова был в объятиях дубовых стен. — Прежде чем ты захочешь что-то взять в руки и... попробовать убить меня... Я докажу тебе, что я действительно не хотел сделать ничего плохого для Мари. Ты... Ты... Выслушаешь меня?

Голос Анфориса стал непривычно естественным. Я впервые слышал, как он что-то говорит без наигранной напыщенности. Но мне показалось, и это обманчивым манёвром.

«Подлый чёрт, хочет выиграть время... Чем он собирается оправдывать своё действие?» — нахмурился я, продолжая слушать и наблюдать.

— Докажешь? — не веря, переспросил Альдвин.

— Докажу. Ещё как докажу.

Анфорис, заметив, что Альдвин остановился, мгновенно оторвался от угла, достал из шкафа свиток папируса и, развернув его на столе, стал пояснять:

— Вот! Это древнейший и, скорее всего, единственный свиток папируса, сделанный из древесины дерева Обукаи. Вид этого дерева стёрт с лица земли ещё тысячу лет назад! Росло оно на границе южных и северных широт, на самом экваторе, а самое главное, что именно на этом свитке запечатлён момент зарождения отдельно южных и северных богов.

— Что? Не может этого быть. Разделение произошло гораздо раньше чем тысячелетие. — подходя к столу, взглянул на папирус Альдвин.

— Да, но не все северные и южные боги стали существовать отдельно после первого ледникового периода. То, что люди после ледников стали передвигаться с юга на север, — это мы знаем. Тогда начали зарождаться многие легенды богов. И люди, идущие на юг, имели постепенно своих богов, а люди, идущие на север, — своих. Но в этом свитке была рассказана легенда об одном южном перенаселении людей, которые шли на север не с задачей поселения, а с задачей разведки. Южное государство Квирлеи отправило на север свою армию, чтобы узнать, есть ли на севере что-то такое, чем можно было бы хорошенько так поживиться. Армия шла под святым знаменем бога Теотеса — младшего брата бога Сириса, который являлся верховным богом государства Квирлеи. Армия, пересекая границу юга и севера, решила отдать новые покорённые северные земли богу Теотесу; именно по этому случаю и был создан этот свиток, в котором говорилось, что живущие люди юга теперь владыки севера и что северные земли отныне и во веки веков — земли бога Теотеса. После пересечения границы начались завоевательные войны. Армия Квирлеи была хорошо обучена и снаряжена, поэтому победы доставались ей без труда. Но отойдя совсем к северу, квирлейцы вдруг обнаружили огромное государство — Нордхельгу. Отступать назад никто не хотел. Во имя своего бога и из-за разгорячившейся крови они поддались эйфории и напали на Нордхельгу. Но в этом была их ошибка. У северного государства оказалось очень много воинов, и почти все были снаряжены железными орудиями, в то время как армия Квирлеи всего лишь на пятьдесят процентов была снаряжена подобным. И опытная армия Квирлеи пала перед лицом технического прогресса и количественного превосходства. Солдаты бросили поле боя, вернувшись на завоёванные северные земли. Главнокомандующие сделали единственный верный выбор: увидев, что победа невоз-

можна, они решили сохранить максимум солдат для удержания тех земель, которые они успели завоевать. Так образовался южный север, чьи земли были присвоены богу Теотесу, который стал северным богом, пока его брат — Сирис так и остался южным владыкой.

— Теотес... — повторил Альдвин, вглядываясь в папирус. — Имя очень похоже на Деодес... Они случайно не...?

— Да-да-да... Деодес — дальний родственник этого бога, но и не только.

— Но подожди. Ведь Деодес — западный бог, а речь идёт о северном боге. И как эта легенда связана с тем, что ты хотел вытворить с моей дочерью?

— Ты обещал меня выслушать. Поэтому не горячись и внимай дальше. — запинаясь, продолжал Анфорис, поглядывая на кулаки Альдвина. — Так вот: Сирис остался южным богом Квирлеи, а Теотес возделывал отныне землю на севере. — Анфорис вернулся к ящикам и достал ещё один папирус, разложив тот поверх другого. — История Сириса нам была известна и раньше: южный бог правил четыреста лет от имени отца своего, но было у его отца помимо Сириса и Теотеса (как мы теперь узнали) ещё один бог — Билеций. Он был самым младшим в семье и от того самым обделённым. Властвование его ждало не скоро, а возделать свою землю тяжело. Поэтому Билеций пошёл на преступление, свергнув силой своего старшего брата Сириса, желая таким способом получить Квирлею. Но Сирис был умным богом и, покидая управление, он разделил Квирлею на два меньших государства: Квир и Лиею. Квир достался Билецию, а Лиею заполучил сын Сириса — Ботис. Но Билеций не стал смиряться с такой потерей. Он напал на Лиею, присоединив её обратно к Квиру, и тогда уже образовалось государство Гереллея, в котором мы сейчас и находимся. У Билеция родился сын — Фоций, и уж от него начался мой род. Через три поколения коротковременных богов настало правление моего отца Ордуна, чью власть я получил, убив его. Но что же происходило у Теотеса? Мы этого не знали до тех времён, пока не отыскался этот папирус. В нём говорилось, что Теотес дал миру четырёх сыновей: Герция, который позже ушёл на юг, Атлантитуса, Веспера — предка как раз-таки Деодеса, и Фроствинда, чья судьба была весьма трагична. Он был любимым сыном отца, пускай и не самым старшим. Но враги, по моему предположению духи из Нордхельги, украли у Фроствинда единственного сына, чьё имя было — Торкель. На этом папирус о Теотесе заканчивается, но...

— Торкель... — внезапно повторил Альдвин. — Торкель — это мой отец.

Альдвин смотрел на папирус с беспокойством и одновременно с какой-то нежностью.

— Да... Твой отец лишился своего отца и не знал его. Фроствинд не пытался искать сына, так как был уверен, что его жестоко убили. Но теперь Фроствинда на земле больше нет... Как и твоего отца. Мне жаль, Альдвин.

Анфорис свернул папирусы, убирая те в шкаф, пока Альдвин, закрыв лицо белыми рукавами, кажется, плакал.

«Альдвин плачет?» — смутился я, видя эту картину. — «Кажется... кажется как раз-таки сегодня он упоминал, что его отец сильно за ним приглядывал в его юности... Так вот что это было. У Торкеля не было отца, и он не хотел, чтобы какая-то случайность обрекла его сына на такие же испытания. Наверное, Торкель очень любил Альдвина... Везёт же некоторым», — подумал я, вспоминая наш разговор с Цзянем.

— Зачем? — задал вопрос Альдвин, убирая рукав от лица. — Для чего была вся эта предыстория? И при чём тут моя Мари?

Голос у Альдвина дрожал. Возможно, эта история задела его гораздо больше, чем я мог себе представить.

— Я должен был тебе сказать ранее, Альдвин... — поворачиваясь лицом, заговорил Анфорис. — Эта история доказывает, что наши легенды находятся близко друг к другу. Мы даже можем сказать, что мы родственники. Хотя и очень дальние. И теперь ты видишь, что заповедь не нарушена.

— При чём здесь заповедь? Ты хотел всего лишь использовать мою дочь!

— Это не так. Я давно имел глаз на Мари. Она ведь... она прекрасна! Но я не поступал по-свински, потому что думал о нашей заповеди. А когда в мои руки попал этот папирус и я обо всём догадался, то не смог сдержать своей радости. Да, я хотел сделать это с Мари, но после я собирался на ней жениться!

— Ты не спросил, хочет ли она этого.

— А у неё нет и смысла спрашивать. Поэтому я спрашиваю у тебя, как у отца.

— Ты редкостный ублюдок, Анфорис. Неужели ты думаешь, что я силой выдам замуж свою дочь, тем более за бога, который хотел изнасиловать её?

— Я думаю, что да... Выдашь. И я скажу даже больше: она сама пойдёт.

— Ты думаешь, что ты ей нравишься?

— Нет... Я думаю, что теперь я ей омерзителен. И конечно же, она бы хотела выйти замуж за такого идиота, как Лань, но...

— Я не собираюсь её выдавать за тебя! Ни при каких "но"!

— Ты так думаешь? А что, если я предложу тебе сделку? Если Мари станет моей женой, то я послушаю тебя и выведу своих людей из-под рабского статуса. Более того, я готов посодействовать на следующем собрании, чтобы попробовать убедить и других богов последовать твоему примеру. Что теперь скажешь? Помнится, ты говорил, что смысл твоего существования — в освобождении людей от рабства? Так вот, у тебя есть шанс добиться своей святой цели, а для этого тебе нужно, чтобы Мари стала моей женой.

Теперь на лице Анфориса вновь налипла маска верховенства и уверенности. Он знал, что Альдвин содрогнётся от этого предложения. И он содрогнулся, упав на кресло и уставившись в одну точку.

А я готов был вбежать в эту комнату и задушить Анфориса. Ещё никогда я не хотел так сильно, чтобы боги стали смертны. Ещё никогда я не хотел так сильно убить его! Что же делать? Что же делать? Неужели действительно вбежать? Вбежать и защитить Мари хотя бы словом!

— Почему тогда Мари должна пойти за тебя сама? — медленно поднял голову Альдвин.

— Потому что ты так или иначе расскажешь ей про наш диалог. А Мари — очень любящая дочка. И я уверен, что она захочет помочь своему отцу и согласится добровольно пойти за меня замуж. Ведь она знает, как важны для тебя люди.

Альдвин сгорбился, закрывая руками лицо.

— Какая же ты сволочь, Анфорис...

— Что правда, то правда.

Я был наготове, но сдался. Сдался как трус и убежал в зал, чтобы предупредить Цзяня и немедленно покинуть это место.

«Трус... Трус!» — говорил себе я. — «Трус! Да только что я мог? Сказать им, что не позволю так издеваться над Мари? Что не дам ей сдаться в руки Анфорису? Что украду её и... И что? Эти боги мне никто, и я не имею права вмешиваться, но это ведь неправильно. Такая падаль, как Анфорис, не должен становиться мужем Мари! Что с ней будет? Она же... Он же её доведёт... Доведёт, как и остальных своих жён».

Я нашёл Цзяня у входа во дворец. Он только-только собирался возвращаться обратно в зал.

— Цзянь, я немедленно ухожу отсюда.

— Что-то произошло? — спросил меня брат.

— Нет, не спрашивай, просто знай: я ухожу.

— Постой.

Цзянь схватил меня за руку и заглянул мне в глаза. Наверное, на них всё было написано. Написано, что что-то всё-таки случилось.

— Что произошло? — строже задал свой вопрос Цзянь.

Я мешкался. Не хотелось всё прямо рассказывать ему про то, что было. Я не очень сильно доверял брату. Но в тот момент внутри меня бурлил огромный котёл эмоций. Мне было необходимо с кем-то поделиться и попросить совета либо утешения. Я чувствовал себя отвратно и уже не хотелось скрывать, что я действительно беспокоюсь за Мари. Я решил рассказать Цзяню всё как было.

— Ясно... — грустно опустил голову Цзянь после моего рассказа. — Я полечу с тобой. Дома творится что-то неладное, нам нужно лететь на выручку.

— Час от часу не легче. — вздохнул я.

Смерть бога надежды и процветания.

Практически всю дорогу мы летели молча. Был уже пересечён юг, север, и мы вышли на восток. Погода ухудшилась: над империей повисли громовые тучи, и нам приходилось лететь слишком высоко, чтобы не замедлять ход из-за молний и дождя.

Цзянь по-прежнему чувствовал себя не очень. Постоянно кашлял, замедлялся и иногда чуть ли не падал, из-за чего мне приходилось ловить его на ходу. Но пересекши границу империи, он значительно окреп. Может, поэтому он и решил со мной заговорить.

— Мда... Ситуация с Анфорисом и Мари, конечно, неприятная. Гадёныш Анфорис знал, чем зацепить Альдвина.

— И что же теперь делать? — без улыбки спросил я, летя сзади Цзяня. — Анфорис прав, Мари сама будет готова пойти за него, лишь бы отец остался довольным. Я её знаю. Она ценит всех, но не себя. Что же будет?

— Ничего не будет. — отрезал брат, повернувшись и увидев мою повешенную голову. — Альдвин будет в глубоком замешательстве. Он действительно расскажет дочке всё как есть. А потом сядет и будет долго думать, но не решится сделать последний шаг. Предложение Анфориса до безумия выгодное. Если уж сам Анфорис будет проводить реформы в сфере управления человеком, то остальные боги и без собрания начнут повторять за ним. Но цена этому — его родная дочь, которая обречена будет на конец в случае такого замужества.

— Цзянь... это...

— Вот только Мари захочет сама завершить эту комедию. — прервав меня, продолжил Цзянь. — Она явится к отцу, упадёт ему в ноги и будет говорить, что очень любит Анфориса и хочет выйти за него замуж, раз заповедь не является больше преградой. Альдвин поймёт, что она лжёт, но отказать ей не сможет, и тогда Мари станет женой Анфориса... Только вот выполнять условия сделки с Альдвином он спешить не будет. Пока свадьба, пока брачный период, пока Мари забеременеет, а там глядишь... Мари закончит своё существование, как и остальные жёны Анфориса. Тихо. Молча. Смиренно. И под конец, когда душа полностью истощится, она покинет нас... А Анфорис тут же разорвёт сделку и вернёт всё как было, если, конечно, успеет хоть что-то сделать. И тогда Альдвин уйдёт в забвение. Без достигнутой цели и без дочки...

— Но если мы это понимаем, то значит и сам Альдвин догадывается?

— Нет. Альдвин давно знает Анфориса. И пускай Анфорис — безумный лжец и эгоист, Альдвин верит ему. К тому же вся эта сцена в комнате, когда Анфорис якобы бежал от кулаков Альдвина, вселит в него веру, что Анфорис его боится. Поэтому та схема развития событий для Альдвина будет всего лишь тревожным сном, до тех пор пока этот сценарий не исполнится в действительности.

Я замолк, глазами одолевая тёмные тучи под нами. Внутри всё сжалось. Безысходность была для меня старой подругой, но только не тогда, когда она касалась моих друзей. Я думал о Мари и понимал, насколько будет ей тяжело в оставшееся время. Хотя внутри меня где-то сидел умный старик, говоривший, что всё в их руках. Почему Анфорис и Цзянь думают, что оно будет так однозначно? Может, мы плохо знаем эту богиню. Может, она придёт и унизит Анфориса на глазах у публики, а может, и вовсе истощит его душу. Альдвин потерялся? А может, мы просто так думаем. Что, если на самом деле Альдвин действительно не собирается идти на поводу у самовлюблённого бога? Может, он продолжит бороться старым методом? Подводя итог, я всё-таки решил спросить:

— Цзянь, я точно не могу ничем помочь ей?

— Ничем, Лань... — ответил брат. — Физически не можешь.

— Тогда будем считать, что тема закрыта. — горько вздохнул я, отдаваясь мыслям.

Цзянь пошёл мне навстречу и не стал больше ранить меня своей прагматичностью. Ему было не до этого. Он и сам находился в лютом беспокойстве: мотал головой, тревожно подрагивал и к чему-то вечно прислушивался.

— Тихо! — резко остановился Цзянь, рукой притормозив и меня.

Тишина. Только раскаты грома под ногами.

— Быстро вниз. — воскликнул брат, прежде чем рвануться в море облаков.

— Подожди, Цзянь! — прокричал я вслед, не успевая за ним угнаться.

Он скрылся очень быстро, но я постарался его догнать или хотя бы не упустить из виду.

Воздух стал резать мне лицо, и спустя секунды я уже находился в туче. Было опасно. Напряжение было огромное, и где-то под ногами раздался режущий слух взрыв — это был гром. Вдалеке мелькали молнии, и где-то на пересечении линии света я увидел тень брата. Я разогнался до предела и вышел из туч, оказавшись под ужаснейшим ливнем.

«Ничего не вижу и не чувствую», — понял я, когда постарался разглядеть местность.

— Ла-а-ань! — раздалось откуда-то. — Ла-а-ань!

Я определился со стороной и начал двигаться в том направлении, откуда раздавался крик.

— Ла-а-ань! — раздавалось впереди.

«Это Цзянь. Уже лечу!» — отзывался я у себя в мыслях.

Дождь стал лить меньше и через несколько метров прекратился вовсе. Я ушёл из-под туч, выйдя на горы Чаншань.

Грозовой фронт двигался в моём направлении, но теперь я его опередил и мог хоть ненадолго перевести дух.

«Где-то рядом Цзянь. Его голос шёл отсюда», — остановился я, разглядывая горы.

Чёрные тучи стремительно приближались, а мои глаза бегали по каменным глыбам.

— Лань! — раздалось чуть ниже.

Я опустил взгляд вниз и увидел на каменном склоне две фигуры. Это были мои братья. Я тут же спустился, подбежав к Цзяню, который держал Ханя — бога трудолюбия и упорства.

Тот еле держался на ногах и в конечном итоге совсем ослаб.

— Вот так... Осторожно... — приговаривал Цзянь, сажая того на камень. — Хань, ты сможешь хоть что-то рассказать? — он спустился на корточки, придерживая брата за плечи.

Хань выглядел по-страшному слабым: его некогда горячее и уверенное лицо с пухлыми щеками превратилось в истощённое уродство, где место щёк образовались впадины, а сияющие силой глаза превратились в бездушные пуговицы; да и сам он полностью стал бледным, словно его лицо высечено из вот этих же скал и камней.

Он безучастно сверлил лицо Цзяня, стараясь ртом набрать воздуха.

— Цзянь... Ты... спешишь к отцу, верно? — медленно начал говорить Хань.

— Да-да! Говори скорее, что произошло? Что с отцом?

— А с нами? Ты не хочешь спросить, что же с нами происходит?

— Я не знаю... Просто плохое самочувствие, верно... Да не томи же душу, скажи, что произошло? Что ты видел?! — слегка потряся брата за плечи, спрашивал Цзянь.

— Революция... в империи... — тихо произнёс Хань, и где-то за его спиной послышался раскат грома.

— Так... И как это случилось?

— Люди на праздник должны были прийти... Вот и пришли, только вместо праздника они напали на солдат, забрали оружие и направились к покоям императора. Среди слуг также находились сторонники революции, и вот...

— Что вот?! Говори!

— Императора больше нет, а вместо него к власти пришли авангардисты.

— Так. А почему с нами-то такое происходит?Хань не отвечал.

— Говори! — снова потряся брата за плечи, прикрикнул Цзянь.

— Отправляйся и посмотри сам. Тогда и поймёшь.

Цзянь ещё раз взглянул на младшего брата и, когда понял, что тот больше ничего не скажет, отошёл в сторону и задумался.

Я посмотрел на Ханя. Жалкое и страшное зрелище. Почему-то мне казалось, что передо мной умирающий человек, а не уставший бог.

«От чего он так похудел?» — промелькнул у меня вопрос, глядя на его костлявые ноги, которые были похожи на веточки деревьев.

«А на руках ссадины. Что же там происходит?» — с ужасом отвернулся я, медленно подойдя к Цзяню.

Он выглядел как никогда серьёзно.

— Слушай меня сюда, Лань. — почуяв моё приближение, строго заговорил он. — Скоро сюда дойдёт буря, поэтому вам нужно укрытие. Вверх по склону есть одна пещера, там вы и спрячетесь.

— А как же ты?

— Я должен идти на подмогу к отцу. Чую... Мне действительно есть что увидеть там.

— Нет! Ты не можешь отправиться туда в одиночку. — я уверенно схватил брата за руку. — Я пойду с тобой. Посмотри на Ханя. — я впритык приблизился к лицу брата. — Уж не знаю, что там происходит, но если оттуда боги возвращаются в таком состоянии, в одиночку идти туда нет смысла. Это безрассудно!

Цзянь вырвался из моих рук и поспешно отдалился.

— Ты не пойдёшь со мной, ясно?! — вскипел вдруг Цзянь. — Ты единственный, у кого не было за сегодняшний день признаков болезни. Ханю нужна помощь, а я нужен отцу. Ты понимаешь это?

— Я не понимаю, как можно бросаться туда, откуда возвращаются такими. — я указал пальцем на еле существующего Ханя. — Ты нуждаешься в поддержке, и я готов отправиться вместе с тобой, чтобы вовремя подхватить! Ты даже этот полёт кое-как справлялся с воздухом! Я не могу пустить тебя, брат! Только не так...

Я опустил голову. Впервые за всё время существования мне было так страшно. И на этот раз мне было ясно, что пустить всё на самотёк не получится. Нужно собраться. Только вот что делать, я по-прежнему не знал.

Я всё ещё переживал за судьбу Мари, я до ужаса был напуган видом Ханя и я боялся потерять Цзяня, потому что он единственный, кто хоть как-то мог взять ситуацию в свои руки, даже несмотря на болезнь.

И сейчас он стоял как железный столб. Ничего не могло его сломить. Он только дальше хотел пускаться в битву. Вот что значит бог войны и мужества... И тут я понял, что мне его не остановить. Никогда. Потому что это его судьба.

— Лань... — тихо произнёс Цзянь, положив свои руки мне на плечи. — Ты не сможешь мне никак помочь. Если я начну падать, ты не успеешь меня подхватить.

— Но...

— Уже не успеешь. В полёте поймать — это одно, а когда на тебя несутся враги — другое. Ты также не сможешь мне помочь, потому что у тебя нет меча, и помимо себя мне придётся защищать и тебя.

Тут я снова хотел возразить, но Цзянь не дал мне этого сделать.

— Как видишь, помочь ты мне не сможешь, но ты можешь помочь Ханю. Сейчас он беззащитен, и без тебя он не выживет.

«Выживет» — это слово отрезвило меня как ведро ледяной воды.

— Ты слышишь меня, Лань? — продолжал мой брат. — Ты должен помочь Ханю. Ты должен его защитить! Как брата! Ради меня, ради отца, ради... — он запнулся. — Пожалуйста, Лань, если мы тебе не безразличны, если хоть чуть-чуть в душе ты любишь нас... Помоги нам.

Помоги... Ты ведь тоже один из нас. Даже если наполовину, ты — часть нас! Ты услышал меня, Лань?

— Услышал... — робко, сглатывая трусливые слёзы, ответил я. — Только для чего вам мечи?

— Что?— Для чего вам мечи, Цзянь? С кем вы будете драться? Кого вы будете убивать этими мечами?

Взгляд брата снова сменился с твёрдого и серьёзного на переживающий и уставший. Он аккуратно вздохнул.

— Ты думаешь, что я пойду сражаться с людьми, да, Лань? Ты услышал слово «революция» и посчитал, что меч мне нужен для того, чтобы рубить головы непослушных людей? Нет, Лань, это не так. Наша борьба ведётся далеко не с людьми...

— А с кем тогда? — я остро ощутил те самые границы дозволенной информации. — С кем у нас ведётся борьба? Для чего мы вообще существуем? Для чего мы носим эти мечи? Что происходит с теми, кто... кто исчезает? Кто мы для людей на самом деле? Мне кто-нибудь ответит на вопросы в конце концов?

— Прекрати вести себя как капризный ребёнок. Нам пора расставаться.

Цзянь крепко обнял меня, прижав к своей груди. И впервые я почувствовал, что он действительно мой старший брат. Я ответил ему тем же. И, кажется, готов был расплакаться в любой момент.

— Лань, так ты приглядишь за Ханем? — продолжая держать меня в объятиях, спросил Цзянь.

— Пригляжу... Обязательно пригляжу.

— Вот и хорошо.

Мы расцепились, и я увидел его стеклянные глаза. Почему-то запомнить их было для меня очень важным на тот момент. В них отражалось всё: и надвигающаяся буря, и упавшее тело Ханя, и холодные мрачные скалы, и, конечно же, в них отражался я — такой маленький и такой жалкий.

— Идите. — спокойно приказал он.

Я послушался, медленно двинувшись в сторону Ханя. Тот отключился на несколько минут, но когда я стал поднимать его, он проснулся, взглянув на меня грустным взглядом, но ничего не сказал. Его ноги плелись, словно они были наполовину парализованы, оттого путь в гору показался мне невыполнимой задачей, но Цзянь был прав: оставаться под бурей было гиблым делом.

Где-то уже рядом сверкнула молния.

Мы поднялись на несколько метров, и когда я повернулся, чтобы посмотреть, оставался ли на своём месте Цзянь, то его уже там не было. Я хмыкнул про себя и продолжил путь, придерживая Ханя руками.

Так и начались мои неспокойные дни. Пещера оказалась каменной. Холодной и непригодной для человеческой жизни. И это меня пугало. Ведь я так до конца и не понимал, что творится с Ханем.

Дождь шёл беспрерывно. Грозовые тучи покрыли небо капитально, и оттого в пещере было холодно как зимой, так ещё и ветер пробирался внутрь, обдавая кожу холодом.

«В образе человека мне здесь делать было бы нечего», — думал я, оттирая свою одежду от грязи.

«Хань словно действительно болен. Нужно ли ему тепло для выживания? Выживание...» — это слово наводило на меня горы ностальгии по тем временам, когда я был ещё человеком. Наверное, поэтому оно вызывает у меня такую реакцию. Я знаю, каково это. Это одновременно меня пугает и удивляет, что я снова произношу его в действительности. К тому же по отношению к богу.

Я повернулся и разглядел у самого входа своего брата.

«Разжечь костёр сейчас всё равно не из чего», — подумал я, глядя на улицу. — «Любой хворост будет мокрым. Да и Хань, кажется, совсем не чувствует холода. Наверное, это хороший признак — значит, что он всё ещё бог.»

Упёртый Шоу отказывался скрыться поглубже в пещеру. Говорить он ничего не говорил, но когда я его тянул за костлявую руку, чтобы он пересел ко мне, тот мотал головой и всячески старался выдернуть свою конечность. В такие моменты он казался мне безумцем.

— Хань Шоу, ты понимаешь, что нельзя сидеть под этим ливнем?! Немедленно пересядь подальше! — кричал я, видя его безумные глаза.

Но тот молча сжимался, обвив колени своими руками, и глядел на улицу, цепляясь своими глазами за каждую травинку и крупинку, упавшую с неба.

Тогда я грубо ругался себе под нос и, сжав кулаки, сам отсаживался подальше, оставляя его около выхода.

На самом деле я представлял, что творилось в его душе: страх исчезновения. Хань боялся исчезнуть, поэтому каждая травинка и капелька казались ему желанной и любимой. Я его понимал, но боялся как-либо проявить помощь. А точнее, не знал как, поэтому оставлял его наедине с самим собой. Иногда ходил проверять, спит ли он и не понадобилось ли ему чего. Но почти каждый раз находил его спящим.

За эти три дня Хань заметно поседел, а ещё ужаснее — похудел. Теперь он действительно выглядел словно скелет, обтянутый кожей. Это было жутко, но я старался всячески показать брату, что забочусь о нём. Хотя и не мог упрятать своё отвращение от его внешнего вида. И этим я был противен сам себе.

Однажды я застал брата в сознании и тогда увидел, что вслед за волосами и кожей отправились и глаза. Раньше они были ярко-зелёные. Настолько насыщенные цвета играли в оке этого никогда не устающего и трудолюбивого парня! Мне казалось, что вся зелень земли была отражена в глазах этого бога! А теперь только два серых оттенка заполняли зрячий орган. Мне стало грустно, словно глаза потускнели не у него, а у меня.

Я грустно вздохнул и вернулся в свой дальний угол, не найдя, что сказать Ханю.

«От чего всё это?» — роились мысли в голове, когда я оставался один. — «Цзянь спросил у Ханя, что произошло. Тот для чего-то рассказал про революцию в империи. Зачем? Неужели революция и есть причина того, что происходит? Но ведь это бред. Я сам видел революцию! Своими глазами! И ничего подобного там не происходило.»

Я действительно наблюдал за революцией и даже невзначай участвовал в ней.

В одном провинциальном городке на год неурожая местная власть запросила у населения ежегодный оброк. Но вследствие неурожая людям было нечего отдавать. Продуктов не хватало, из-за этого бедные семьи стали погибать от недоедания; из-за отсутствия выручки с продаваемых продуктов в городе и в деревнях наступил дефицит дезинфицирующих средств и медикаментов. Стала распространяться страшная болезнь, которая в своё время унесла много народу. Из-за дефицита работников обычные ремёсла стали также загибаться, и встал вопрос о том, что на следующий год будет некому работать на полях. А тут ещё и местная власть со своим оброком. И ведь ни для кого не секрет, что эти люди далеко не голодали. Они в свою очередь находились на попечении императорского дворца, а значит, проблемы в регионе их никак не касались. У них была одна цель: собрать оброк и расплатиться им с правительством, оставаясь на старом месте. Но как бы не так. Граждане отказались отдавать последние крошки и коллективно отправились писать прошение во дворец, но местная власть не дала им этого сделать, боясь своего отстранения. Тогда и началась революция.

Люди стали массово собираться на митинги, но стража быстро всех разгоняла, к тому же бушующая болезнь после таких коллективных собраний была просто неумолима. Тогда народ

понял, что действовать массово — себе же во вред, и они решили перейти на партизанскую войну.

К местным чиновникам отправляли заражённых девушек, и те быстро умирали из-за болезни. Однажды, собрав группу спортивных и отважных молодцов, граждане задумали брать здание администрации силой под покровом ночи. Но чтобы это сделать, им нужно было узнать, как устроено здание и кем оно охраняется. В те времена я как раз-таки блуждал в том регионе, с любопытством наблюдая происходящее. И как так сошлось, что именно в ту ночь, когда я был чертовски пьян, в таверну завернула эта группа?

— Вэй, нам две бутылки. — выкрикнул кто-то из толпы вошедших в заведение.

Компания шумно уселась за самый большой стол, и бармен, стоящий за стойкой, поспешил их обслужить.

Я, допивая уже пятый сосуд вина, пригрел свои любопытные и пьяные уши к этому столу. Наверное, меня смутило столь огромное и целеустремлённое сообщество. Не прошло и секунды, как мужчины тут же стали курить и бурно что-то обсуждать, развернув на своём столе большой лист.

— Вход здания развёрнут к востоку от города. — заговорил кто-то, шурша карандашом по листу.

— Тц, нет же... Вход развёрнут к югу. — вмешался второй.

— Позвольте, я там бываю часто, и сегодня я специально уделил час на изучение здания снаружи. Не сомневайтесь, вход развёрнут к востоку!

— Какая к чёрту разница? Это основной вход. Мы же не будем дураками и не полезем на рожон через основные двери?

— Нам нужно знать об этом здании всё, если хотим, чтобы наша... — в этот момент говорящий прервался, проверяя по сторонам, не слышит ли кто из посторонних их диалог. К моему благу, я шатался на стуле уже основательно, поэтому не вызвал у них подозрения. — чтобы наша операция прошла успешно. — закончил он.

— Хорошо. — вздохнул третий. — Отмечайте на восток.

— Восток...— Кто-нибудь ещё что-то знает?

— Ли ходила вчера в администрацию. Я попросил отнести её как бы жалобу, но на самом деле отправил её с целью заблудиться в коридорах и осмотреть здание изнутри. Насколько я понял, она видела как минимум два выхода: один находился на кухне — первый этаж, а второй через кабинет чиновника... Эх... кажется, я забыл его имя.

— Не суть. Какой этаж?

— Второй. Лестница на задний двор выходит.— Отлично.

— А сегодня охранять будут... два паренька... молодых совсем... Сюй и... Хуан, кажется... родом из Мань-эня.

— Откуда информация?

— Так это ж... разведка...

— Что за разведка? Отвечай!

— Дочка моя... С одним из этих душегубцев связалась... она-то и узнала, что сегодня они на дежурстве.

— Дочка болеет?

— Не-е-ет, дай бог, не болеет.

— Плохо. Может быть, они бы сегодня нам не мешали.

— А что? Кто из компании Бай Чи уехал из города?

— Да вроде бы никто, кажется. Чего им ехать? В столицу — смысла нет без оброка возвращаться, а в соседние регионы? Так туда тоже без надобности.

— Значит, все здесь будут?

— Не. Ты ж головой подумай. Кто к девке, кто напиться, кто... и знать нам не стоит, для чего он уйдёт.

— Тогда кто там будет?

— Жирдяи одни, да слуги какие. Слуг жалко трогать, всё-таки они местные...

— Ничего! Раз работают на этих тунеядцев, значит, получат своё лезвие.

И тут что-то побудило меня присоединиться к этой компании. Что-то такое сильное и неописуемое.

Я, шатаясь, подкрался к ним, упав небрежно на свободный стул. Уставился на группу мужчин и, завладев их вниманием, стал говорить:

— Что? Изучаете здание администрации, господа?

Все переглянулись меж собой, не отвечая на мой вопрос.

— А тебе чего? — резко отозвался один из группы. — Иди-ка отсюда, пьянь, пока мы тебя не вышвырнули. Признавайся, уши грел, чтобы вот так подойти и скомпрометировать на бабло? Иди отсюда! Ни монеты не получишь.

— Ну зачем так грубо? — миловидно улыбнулся я. — Может быть, я смогу вам чем-то помочь.

— Себе помоги, пьянь. — ответил мне тот же парень.

— Чем вы можете нам помочь? — прервав своего товарища, поинтересовался другой.

— Я знаю здание администрации лучше, чем нынешние его хозяева. И могу вам рассказать о таких ходах, что аж мурашки по коже пойдут.

— Подсядете? — вежливо предложили мне.

И мой развязанный язык изложил революционерам всю необходимую информацию. Только вот... я и не подозревал, что именно запланировали эти парни. Я думал, что их шутки про лезвие были всего лишь шутками, а оказалось, что чистый факт.

Я рассказал им, что столетие назад, когда велась война с соседним государством, нынешнее здание администрации тогда было больницей. И что на случай эвакуации под больницей был проложен коридор, выводящий за территорию города. Пускай и был этот коридор длинным, зато настолько хорошо спрятанным, что никто бы и не догадался, куда убежали больные и раненые.

Меня взяли с собой, хотя дороги, как мы шли, я не помнил. Мог только предполагать, что по пути моя пьяная туша только мешала им, однако мои знания о здании для них были бесценны.

Очнулся я уже в свинарнике. Меня разбудила ледяная вода, вылитая на меня Цзянем, который прибыл в город. «Что же ты, идиотина, натворил?» — спросил меня брат, утянув за ухо. — «Столько людей из-за тебя полегло! Сколько разрушенных семей ты создал?»

Тогда Цзянь хорошенько так меня вздёрнул, вырвав все мои волосы с глиняной основой.

Цзянь... Эх, где же ты сейчас?

Оказалось, что революционеры устроили разгром и массовые убийства в здании администрации. Но как бы ужасны их расправы ни были, своего они всё же добились. Чиновники, которые в ту ночь не были в общежитии, поспешили бежать из города, боясь расправы, а сами революционеры стали писать доклад императору. Через неделю в регион пожаловала армия, привезя гуманитарную помощь под соглашением выплатить оброк чуть позже. Прошла перепись населения, провели выборы на пост местной власти и похоронили убитых. Всё стало расцветать по-новому.

Тут я отвлёкся, заслышав резкий кашель Ханя, и поспешил на подмогу.

Спустя несколько дней дождь остановился, и я смог выйти наружу, чтобы раздобыть воды. В километре от пещеры я нашёл родник, но как назло, у меня не было ничего, во что можно было бы набрать воды. Тогда мне пришлось срочно лепить из подручной глины сосуд. Это заняло у меня много времени, ведь сосуд должен был получиться большим и плотным.

Справившись с задачей, я обжёг сосуд с помощью божественного обряда, наполнил водой и отправился к пещере.

Впервые за все дни я дал Ханю попить, но и это было сделано не без труда. Шоу постоянно вертел головой и отказывался принимать влагу, но я всё-таки напоил его, и тот, видимо почувствовав улучшение, больше не сопротивлялся принимать от меня воду.

Когда земля подсохла, я отправился в ближайший лес за древесиной, чтобы больше не мёрзнуть по ночам в своём получеловеческом теле.

С наступлением сумерек в нашей пещере горел огонёк. Я разогрел воды и дал попить Ханю. Тот безучастно принял подношение и молча уставился на горящий костёр.

Уходить в дальний угол мне больше не хотелось. Ветер сменил направление и больше не прокрадывался в наше жилище, дождь больше не шёл, и у входа собралось много всякой твари: от мелких ящерок до светлячков.

У костра было тепло, поэтому я решил составить компанию своему брату, устроившись напротив.

Каменные скалы обнажённо стояли, глядя на далёкие зелёные земли. Ночная мгла опустилась всей грудью на нас, и мир наполнился различными шорохами и далёкими звуками. Где-то провыл волк, тонкая струйка воздуха просачивалась сквозь щель скалы и преобразовывалась в тревожную музыку.

Ночь всё-таки страшна своей загадочной тайной, и мою тревожность безоговорочно подкармливал внешний вид Ханя.

— Лань... — тихо послышался мне голос брата.

Я взглянул на него, но его тусклые глаза по-прежнему смотрели на костёр, а тонкие бледные губы, кажется, не могли пошевелиться физически.

— Лань... — услышал я во второй раз.

— Что такое, Хань? — спокойно спросил я.

— Расскажи мне что-нибудь... пожалуйста...

Я подровнялся. Что я могу такого ему рассказать? Он, наверное, хотел отвлечься от тяжёлых мыслей, но что я мог ему предложить? Рассказать про Мари? Нет, это слишком жестоко по отношению к его состоянию. Спросить его про революцию? К чему эта пытка?

Я стыдливо опустил взгляд в пол.

«Впервые за всё время брат попросил сделать для него что-то, а я молчу как немой», — подумалось мне.

Хань... Хань Шоу — бог трудолюбия и упорства. Я помнил этого бога только по статной крепкой осанке и широкой шее. Он не был большим или высоким, как, например, Цзянь. Я помню, он был сильным и жизнерадостным. В его щеках играл румянец, а из всей семьи он был самым смуглым, так как проводил больше всего времени на поле.

— Хань... Помнишь, вы как-то рассказывали мне, что вы с братьями играли в детстве в одну игру... Как же она называлась... — решил начать я, перебирая в своей голове старые названия детских игр.

— Игра?... Не помню... Лань, расскажи мне лучше о людях. — внезапно попросил Хань.

— Про людей? Разве тебе это нужно в твоём-то положении? Мне кажется, тебе нужно что-то более...

— Расскажи про людей. — спокойно повторил брат.

Я незаметно вздохнул, обдумывая, что сказать:

— Люди... Мне казалось, ты много про них знаешь. Сам проводишь время с ними, помогая им на полях. А я? Что я могу тебе рассказать? Мальчик Чэнь прожил свою жизнь. Девочка Линь прожила свою жизнь. Все они рано или поздно проживали свою жизнь, и мне кажется, тебе не стоит про это рассказывать.

— Расскажи мне именно про это. Про то, как они прожили свою жизнь. Про мальчика Чэня и про девочку Линь. Расскажи, прошу тебя.

Я не мог отказать Ханю в этой просьбе. Стал рассказывать различные истории про своих друзей, которых сопровождал по жизни. Рассказывал про их первую мечту, про наши с ними игры, рассказывал, как мальчика Чэня били родители за непослушание, рассказывал, как девочку Линь таскали за волосы из-за лени, и про то, как я успокаивал их, сажая к себе на колени. Рассказывал про первую их любовь, про первых друзей, про их первый поцелуй, про первую работу, про свадьбу, про их детей, про внуков и про скоропостижную смерть.

— У Чэня могила в очень красивом месте поставлена. Там цветёт люсу, а в нескольких шагах склон прямо к морю выводит. У Линь не так. Она на самом обычном кладбище похоронена. Жалко, девушка была той ещё сказочной красоты. — заканчивал свой рассказ я.

В этот момент на моём лице царила грустная улыбка.

Перед глазами проносились детские лица всех моих друзей, и вот мне показалось, что я снова расплачусь.

— Лань, а умирать страшно? — задал мне вопрос Хань после длительного молчания.

Я поднял на него взгляд, избавившись от грустных воспоминаний. Костёр слабо потрескивал, а языки пламени хорошо освещали божественное тело, сидевшее напротив.

«Слышать вопрос о смерти от не умирающего божества — вот что действительно страшно», — подумал я.

— Тебе незачем это знать.

На минуту в пещере вновь воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь треском брёвен.

— Умирать страшно? — настырно, но по-прежнему без эмоций спросил Хань.

— Страшно. — отвернувшись, ответил я.

— Люди бояться умирать?

— Боятся, но знают, что с этим ничего нельзя поделать. Поэтому смиряются. А те кто нет, те причисляют себя к богам, а потом всё равно умирают.

— Но боги тоже умирают...

Хань сказал это с такой детской наивностью и печалью, что мне захотелось взять его, посадить к себе на колени и успокоить, как тех детей. Однако я не мог себе этого позволить.

«Дурачок...» — без злобы подумал я, поглядывая краем глаза на маленькое тело. — «Совсем, видимо, болезнь одолела... Боги и умирают. Хах.»

Я не нашёл, что ему ответить. Просто свернулся калачиком около костра, отдаваясь сказочным сновидениям.

На следующий день началась моя старая рутина: с восходом солнца, пока Хань мертвецки спал, я отправлялся к роднику, чтобы набрать на день воды, после чего отправлялся в лес за дровами.

Подойдя к расколу в скале, откуда стремительно хлестала струя воды, я осторожно подставлял сосуд, чтобы наполнить его. Вода набиралась довольно быстро, и самое важное — это было достать тяжёлый кувшин, чтобы его не уронить и не разбить, а сделать это можно было запросто, так как камни возле родника были скользкими. Но на этот раз я справился и, поставив сосуд рядом с собой, выдохнул с облегчением.

Раннее утро было чрезмерно радо своему явлению миру: яркое солнце тихими шажками пробиралось к середине неба, далёкие зелёные рощи медленно подтягивались после сна, шумел родник, и скромная одинокая птица, поселившаяся на одном редком дереве на верхушке горы, будоражила меня своим чириканьем.

«Этот мир хорош», — мелькнула мысль, после чего я молча подхватил кувшин и аккуратным шагом отправился вниз по склону.

Под ногами иногда хрустели камешки. Я старался смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться об какой-то стоящий валун. Нести большой кувшин было тяжело, однако, углубляясь в свой мысленный диалог, любой труд заходил за занавес и дело выполнялось само собой.

Сон окончательно прошёл, и я стал вспоминать наши вечерние посиделки с Ханем: «Расскажи о людях», «Ведь и боги умирают» — всё это теперь казалось мне странным. Пускай Хань и относится к людям доброжелательно, я не мог понять, почему в столь тяжёлую минуту он просил меня рассказать именно про них. Люди — интересные существа, но до безумия тяжёлые, — думал я, вспоминая свою жизнь.

«Как это странно... Я стал вспоминать свои скучные и однотипные будни, когда я был человеком... Ещё и ноги стали ныть. Неужели я очеловечиваюсь?» — без улыбки предположил я, зная, что это всего лишь мои фантазии.

«Глина, видимо, совсем перестаёт держаться. Чёрт бы её побрал! В ближайшее время я вряд ли смогу добраться до сада Линлунь. Придётся терпеть дальше.»

В последнее время я действительно чувствовал себя не в лучшей форме, но опускать руки было нельзя.

Я подходил уже к пещере, как вновь стал размышлять о Хане:

«Люди — тяжёлые существа... Это действительно так. Но всё же почему Хань так зацепился за них? Неужели он думает, что подобно людям он может умереть?» — на этот раз я даже не усмехнулся. — «Хань... Бог упорства... Он думает о смерти. Нет! Он думает об уходе. Хань... Его душа тоскует. Именно этот эффект предшествует божественному уходу или даже... исчезновению!» — вот эта мысль меня уже напугала.

Я ускорил шаг. Влетев в пещеру, я упал на колени Ханя, вцепившись руками в его лохмотья:

— Хань! Ты... Ты думаешь о смерти, верно? — я на секунду поднял голову, чтобы увидеть, спит ли Хань. Он не спал. Он смотрел на меня своими мёртвыми глазами, видимо поняв, что за разговор сейчас пойдёт. Только вот я ещё не знал, что это будет за беседа. — Хань! Ты не умрёшь. Слышишь? Боги не умирают!

— Умирают. — хладнокровно отрезал мой брат.

— Нет, не умирают! Тебе кажется. Это сравнимо с человеческим обветшанием, но это не смерть!

— Да, это больше, чем человеческая смерть.

Меня передёрнуло. Голос Ханя был чёткий. Трезвый и острый своей сутью как стекло. Я боялся, что он шутит. Что издевается надо мной. Я вдруг понял... понял, что эта семья мне очень важна.

Я все эти дни ухаживал за Ханем не из-за шока. И тогда на скале я хотел броситься в битву вместе с Цзянем не потому что был смел, а потому что боялся потерять брата. Отец... Да! Тогда на собрании я был прав. Мне дорога эта семья. Мне дороги эти боги. Это обветшание. Я не знал, что это. Я знал, что боги не умирают, но сейчас, глядя на Ханя, понимая, что где-то то же самое уже происходит и с остальными членами семьи... Я вдруг усомнился. И ведь божественный уход — это не просто так. Это же тоже не обычный полёт. Куда уходят боги? Почему Хань так слаб?

Я опустил свою голову на колени бога. Мне стало больно. Только от чего — я не знал.

— Хань... Ты не можешь умереть. Ты не можешь просто так оставить меня! Я боюсь. Я жалкий трус. Я бездельник. Я ничтожество. Я... Я раб своих слабостей. За все эти годы я так и не научился быть полубогом. Так и передай моему отцу. Я признаю свою ничтожность. — моя рука ещё сильнее сжала ткань. — Сам ведь посуди: какой из человека бог? К чему вы меня привели? Анфорис был прав. Я жалок. Я человек, и я жалок.

Тут я почувствовал, как на мою голову опустилась тонкая, лёгкая, словно пушинка, рука Ханя. Я встрепенулся:

— Ты не жалок, Лань. — сказал тихо, еле шевеля губами бог. — Ты не жалок.

— Тогда почему я боюсь потерять вас? Почему я не такой, как вы, и не такой, как люди? Отчего вы меня сделали полубогом и обрекли на одиночество моим видом?

— Не мы тебя сделали полубогом. Ты сам им стал.

— Каким образом? Родился у смертной девы от бога?

— Боюсь, что ты не до конца понимаешь своё происхождение, Лань.

— Конечно, я не понимаю! — завопил отчаянно я. — Я ничего не понимаю! Оттого мне и страшно. Хань... — я вгляделся в глаза брата. — Ты бог! Ты бог упорства и трудолюбия. Я верю в тебя! Слышишь? Я верю в тебя! Ты справишься с болезнью. Я верю, что ты спасёшься.

— Ты действительно веришь в меня? — мне показалось, что при этих словах седина Ханя зашевелилась сама по себе, а в глазах заиграл живой огонёк.

— Я верю в тебя. — твёрдо произнёс я, чувствуя, что что-то происходит внутри него.

Бог отвёл от меня взгляд. Его рука в тот момент казалась мне самой нежной, что когда-либо дотрагивалась до меня. Что-то хорошее наполнило нас обоих. Что-то, что заставило бледное, иссохшее лицо Ханя покраснеть.

— Спасибо. — послышался голос брата. — Спасибо, что веришь в бога упорства и трудолюбия. И как бог, я хочу кое-что тебе сказать, Лань. Очень важное... и необходимое.

— Говори скорее, я слушаю. — сильнее прижавшись, прошептал я.

— Не сдавайся.

— Что?

— Не сдавайся.

— К чему это? Я ничего не делаю, чтобы можно было не сдаваться.

— Уверен, что ты до сих пор ничего не делаешь?

— Пф, конечно. Я за все эти дни только воду тебе приносил да костёр разжигал.

— Но ты всё равно не сдавайся.

На лице Ханя впервые за всё время образовалась улыбка, а я встал в ступор. На мгновение мне показалось, что его тело приобрело старый вид смуглого, широкоплечего юноши, который дерзко смотрел на все трудности.

— Не сдамся. — с неуверенной улыбкой произнёс я.

— Вот и отлично.

Сказав это, Хань ловко поднялся на ноги. Сам. Он отряхнул своё одеяние и повернулся ко мне, протягивая руку:

— Тогда пошли вместе за дровами.

Я не поверил своим глазам, но, ошеломлённый и слегка встревоженный, я всё-таки поднялся, взявшись за руку брата.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Благодаря тебе, отлично... Скоро всё закончится. Поверь мне, Лань.

Хань расплылся в своей лучезарной улыбке, заставив зажмуриться свои зелёные глаза.

— Всё скоро закончится. — повторил он, прежде чем мы отправились в путь.

«Всё скоро закончится» — эхом раздавались слова моего брата. Всё. Скоро. Закончится. Он был прав. Всё закончилось. И это случилось настолько «скоро», что даже моя божественная секунда не могла описать это мгновение.

В один день Ханя не стало. Он обратился воспоминанием. Он обратился образом того старика с зажмуренными зелёными глазами и весёлой улыбкой. Его последняя улыбка теперь играла безумную роль в моём сознании. Размывающийся образ лица плавно тёк как водянистые краски с холста.

Горы Чаншань вновь накрыла буря. Уже четвёртый день на улице лил дождь столбом.

Где-то около выхода на скале собиралась вода и стекала быстрой каплей на камень. Иногда я отвлекался от мыслей, чтобы посчитать по звуку, сколько капель падает, но почти каждый раз выбивался из ритма и забывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.